

ОЛЕСЯ ХОЛОДНАЯ

УЗНИК ЧУЖОЙ ВОЛИ

18+

Олеся Холодная

Узник чужой воли

«Автор»

2026

Холодная О.

Узник чужой воли / О. Холодная — «Автор», 2026

Десять лет в каменном мешке. Без света, голоса и надежды. Тар Вальдес был мёртв для мира — пока его не вытащил человек, о котором никто не знал до дня коронации нового короля. Первый советник — тень дьявола, чьи истинные цели никому не ведомы. Взамен на свободу он предложил Тару миссию, отказаться от которой Тар не может: её озвучил сам король — мальчик, которого он учил держать меч и который до сих пор видит в нём друга и наставника. Пока Тар ищет союзников на чужбине, за спиной короля закручивается змеиный клубок. Двор шепчет. Трон шатается. Те, кто должен быть опорой, оказываются теми, кто точит нож. Войска мятежника уже у границ. Заговорщики плетут сети в сердце дворца. И среди всего этого — два человека. Один выбрал свободу, но попал в новые оковы. Другой добровольно заточил себя в клетку и выбросил ключ. При работе над текстом использовались инструменты на основе ИИ для редактуры и структурной помощи. Авторский замысел, персонажи, сюжет и финальная редакция — полностью мои.

© Холодная О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1 «Семена Бури»	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	28
Глава 7	32

Олеся Холодная

Узник чужой воли

Часть 1 «Семена Бури»

Глава 1

Серые стены узилища сдавили сознание жёсткими тисками. Пустая, сжимающая боль беспощадно терзала разум. И холод - единственное, что оставалось неизменным. Он проникал глубже костей, вмерзая в самую душу. Узник сидел на каменном выступе, вросшем в стену. За десять лет он привык к нему настолько, что перестал ощущать, где кончается камень и начинается он сам. Это была единственная уступка, которую тюрьма Хирм-Доарн сделала ему.

Три тысячи шестьсот пятьдесят дней.

Узник мысленно провёл черту на стене — невидимую, только для себя. Каждая черта — это день... Воспоминание настигло внезапно:

Он стоит на коленях в тронном зале. Мрамор холоден даже через бархат камзола. Король Долгет смотрит на него сверху вниз — не с гневом, с холодным интересом, как на насекомое.

- Ваше упрямство удивляет, Вальдес. Признайте заговор — умрёте быстро. Нет — познаете, что такое забвение.

Рядом с королём стоит юный Амир. Его глаза — широкие, испуганные. Тар видит, как дрожит его рука, сжимая рукоять кинжала на поясе. Мальчик хочет помочь, но не может.

- Я невиновен, Ваше величество.

Это были последние слова, которые Тар сказал при дворе. Через час его бросили в карету и увезли в каменный мешок.

Долгет умер. Мучительная болезнь загасила в нём жизнь.

Но его преемник, братец Эльзимер, не отменил приговор. Он предпочитал контролировать врагов бывшего правителя, держа под своим тяжёлым сапогом. Риск - дело благородное, но рисковать собственной жизнью и спокойствием монархи не любят, особенно если есть вероятность, что после престол займёт сынок, совершенно не разделяющий твои политические взгляды.

Но ничего, новый король не молод, хотя и крепок здоровьем. Кто знает, как распорядится судьба.

В камере стало нечем дышать. Тар схватился за горло, пытаясь вдохнуть воздух, которого не хватало. Паническая атака — старый знакомый. Он зажмурился, считая удары сердца. Раз. Два. Три... *Когда темнота перед глазами рассеялась, он снова остался один с тем, что грызло сильнее голода.*

Где-то там, за стенами, в холодной земле лежала она. Елена. Из-за него. Из-за его упрямства. Иногда он ловил себя на мысли, что ревнует её к небытию. Ей было покойно, а он всё ещё был здесь.

Глухая немота заполнила всё вокруг. Иногда Тару казалось, что эти суровые хмурые стены безмолвно смеются над своими пленниками — жалкими и маленькими по сравнению с их вековым величием. Из этой тюрьмы не бежал ещё никто и никогда. Тар знал это, но всё равно продолжал верить, что он будет первым кто хоть и не сбежит из казематов Хирм — Доарна, но, по крайней мере, выйдет из них живым.

Его мысли прервал звук, отличный от привычных тюремных шумов. Это дождь накрыл королевство Эхорт, и вода начала сочиться сквозь щели в стенах темницы. Мутные струи, стекающие по камню, да лицо тюремщика дважды на дню ставящего миску с едой, были единственной его связью с миром – тем, что там, наверху, несколькими этажами выше.

Узник закутался в хламиду, последние десять лет служившую ему и тёплой одеждой, и одеялом, и устался в темноту угла. Крысы. Они бегают тут повсюду, жирные и крупные, не чета узникам. Наверно их можно даже есть, если перестанут приносить тюремную баланду. Первые несколько месяцев заточения даже подумываешь об этом.

Потом становится всё равно и на еду, и на сырость, и на холод, и даже на отсутствие собеседников. Всё равно на всё. Исчезает время, пропадают чувства, желания, эмоции. Потом, наверное, сходят с ума. Он слышал бред и стоны сокамерников, но самому удалось ухватиться за какую-то ниточку, там, глубоко в душе. Он не хотел, просто так получилось. Забытьё не приходило ни разу. Он помнил каждый день, проведённый здесь так же ясно, как сейчас слышит тех упитанных крыс в углу. Все дни, похожие как близнецы в течение десяти лет. Но кончится и это. Он знал.

Узник почувствовал, как сырость от дождевых струй заполняет и без того сырую комнату. Как воздух становится ещё более густым и тяжёлым, и с трудом начинает проходить в лёгкие. А вокруг тьма, почти живая и тоже мокрая.

Он почти провалился в собственные мысли, оградив себя от остального мира и даже не услышал, как распахнулась со скрипом обитая железными листами дверь. Кто-то вошёл, постоял, то ли осматриваясь, то ли пытаясь найти в темной камере узника, побряхтел, безмолвно замер в паре шагов от него.

Узник приоткрыл глаза, осмотрел худощавую фигуру мужчины. Высокий, в тёмном плаще без каких-либо знаков отличия. Привыкший к темноте, Тар мгновенно анализировал его: военная выправка, но движения не солдата — придворного. Дорогие, но практичные сапоги. Рука лежит на рукояти кинжала — привычка человека, который знает цену своей жизни.

- Тар Вальдес! – голос ровный, без эмоций. Голос человека, который не сомневается в своей власти.

Узник не шелохнулся, продолжая кутаться в грязную, отсыревшую хламиду.

- Тар Вальдес! – повторил незнакомец.

Тар медленно поднял голову и осмотрел незнакомца — не испуганно, не с надеждой, а с холодным любопытством. Палач или посланник?

- Оставьте меня, - попросил неизвестный. Тюремщик без возражений вышел.

- Граф Вальдес, - повторил мужчина менее строго. – Встаньте. Меня зовут Георг, я от короля.

Тар почувствовал, как по спине бегут мурашки. *Ловушка. Должно быть, ловушка.*

- Что нужно королю от старого скелета? — его голос прозвучал хрипло, но в нём появились стальные нотки. — Мои кости уже пересчитали крысы. Мою мудрость съела плесень. Остался только гнев.

Георг не шелохнулся. Его лицо оставалось каменной маской. Но Тар заметил мельчайшую деталь: пальцы мужчины слегка постукивали по рукояти кинжала на поясе. *Нетерпение? Или расчёт?*

- Милостью - начал назвавшийся Георгом.

- Я ничем не обязан его величеству, - без всякого уважения отозвался Тар. – Так что проваливай, если, конечно, ты не пришёл сюда зачитать способ моей казни.

Георг оставил грубость без внимания.

- Вы не дослушали меня, граф Вальдес, - спокойно резюмировал гость. – Милостью короля Амира, я его первый советник Георг Моор имею честь сопровождать Вас ко двору Его величества.

Сердце Тара замерло. Не от радости — от страха. *Что они сделали с мальчиком? Какой советник может быть у Амира?*

Моор понял мысли узника или спустя десять лет заключения он стал настолько предсказуем.

- Эльзимер скончался третьего дня к вечеру.

- Как? – едва слышно произнёс Тар и сам не узнал своего севшего от волнения голоса.

- Упал с лошади, - буднично ответил Георг. – Говорят, после полудня ему захотелось опробовать присланного из соседнего королевства молодого жеребца. Так, знаете ли бывает.

Тар медленно поднялся, рваная хламида, служившая ему покрывалом, слетела на холодный пол. Каждое движение давалось с трудом.

- Что нужно Амиру? — он намеренно использовал имя, а не титул. *Проверка.*

- Почём мне знать, - удивлённо произнёс первый советник. – Мне велено сопровождать Вас, если Вы согласитесь, разумеется.

Вальдес поднял на собеседника глаза. Тусклый свет фонаря, оставленного тюремщиком у входа, выхватывал из мрака черты гостя. Молодое, вытянутое лицо, острый нос, высокий чистый лоб и черные, как тьма тюремной камеры, волосы до плеч. Только глаза Тар разглядеть не смог, не хватало света. Глубоко посаженные, они тонули во тьме. Плащ тёмного сукна облачал долговязую фигуру советника, широкий капюшон, сейчас скинутый на плечи, должно быть совершенно скрывал лицо королевского советника, не позволяя ненужным глазам узреть появление в стенах тюрьмы столь значительной персоны.

Губы Георга тронула улыбка.

- Вас что-то смущает? – поинтересовался он.

- Молодой Амир, Его величество — вот только чтоа Вы уже

- Да, советники меняются не так часто, как короли, - понял Моор. – Но иногда в силу некоторой необходимости, с новыми правителями приходит и их свита. Не вдавайтесь в подробности, граф, сейчас Вам это не нужно.

- Неужели переворот?

Брови Георга взлетели вверх.

- Что Вы имеете в виду? Сам ли король Эльзимер упал с лошади?

Тар молча ждал продолжения.

- В самом деле, Вы довольно странно ведёте себя для узника граф Вальдес, - хмыкнул Георг. – Я не говорю Вам, что Вы сейчас же отправитесь на свободу, но подразумеваю эту возможность, сообщая желание короля, **молодого короля Амира** видеть Вас. Вы же допытываетесь, каким образом человек, дарующий милость, обрёл на это право.

Тар некоторое время смотрел на неясную точку перед собой.

- И всё же - начал он.

- Нет, господин граф, - оборвал его королевский советник. – Прежде, Вы должны мне ответить, согласны ли Вы проследовать к Его величеству.

Вальдес медленно обвёл взглядом стены комнаты, столько лет державшей его взаперти, покрытые старой плесенью углы, холодный пол. Наконец взгляд добрался до собственных рук. За десять лет он ни разу не смотрел на них, так как сейчас, с интересом, как будто на что-то новое, ему не принадлежащее. По этим рукам можно было судить о времени заточения. С обломанными грязными ногтями, серые, но всё ещё крепкие руки человека, некогда державшего оружие. Руки, что когда-то держали карту Эхорта, руки, что поправляли воротник плачушему принцу...

- Прямо сейчас? – уточнил он.

- Помилуйте, кто же является ко двору в таком виде? – удивился Моор. – От Вас смердит, граф. По утру, разумеется. Привести Вас в порядок времени нужно немало.

- Поутру, так поутру, - согласился Вальдес.

- Сразу бы так, - удовлетворённо произнёс Георг. – Тогда следуйте за мной, – советник решительно развернулся и направился к двери.

- Господин Моор? – остановил Тар.

Советник обернулся.

- Только ответьте мне, сам ли Эльзимер, или

- Или, - безапелляционно ответил Георг и растворился в сумраке тюремного коридора.

Когда узник вышел из камеры, свет факелов ослепил его. Но он не зажмурился. Смотрел прямо на серые стены, на мокрые камни. Каждый звук, каждый запах обжигал.

Георг Моор шёл рядом, и Тар чувствовал его взгляд — тяжёлый, изучающий. *Они выпустили волка из клетки, — думал он. Но забыли, что у волков отличная память.*

Он помнил, как его притащили практически волоком и полуживого бросили на ворох соломы. Ему не сулили скорой казни, король пожелал медленной смерти своему врагу, дабы тот умер забытый всеми от какой-нибудь тюремной болезни. Но он не умер, и спустя десять лет идёт живой, хоть и не совсем здоровый, в то время как король гниёт в семейном склепе.

Хотя ведь у Его величества Долгета не было доверенных людей, способных днём и ночью нести вахту у изголовья его врагов, будучи невидимыми и неслышимыми. Да, есть палачи, есть стража, даже тот же тюремщик, но они всего лишь выполняют свою работу, а не отдают долг старому другу.

У Тара такие люди были, точнее человек, один. Среди королевской прислуги, молодой тогда мальчонка Слин, внебрачный сын какой-то кухарки. Граф Вальдес приметил его сразу, сообразительного, расторопного и главное любознательного. Обучил грамоте и алхимии, это Слин схватывал на лету. И когда Тар оказался в заключении, некоторое время спустя он услышал от тюремщика, что король слёг от неизвестной никому болезни, а когда через неделю объявили траур по внезапной кончине правителя, Тар был уверен – отойти в мир иной королю помогли. Сразу понял кто, боялся, что поймут и другие, найдут, поймают и отправят на казнь. Но не нашли, а может и не очень-то искали. И граф успокоился.

Следующего правителя никто не травил, впрочем, поговаривали что Эльзимер учредил должности дегустаторов в количестве семи человек и ничего не ел, и не пил, пока блюда не проходили через них. Даже не принимал подарков, которые могли бы нести в себе яд. Но враги нашли другой способ укоротить его век. Король упал с коня. Никто не удивится тому, что седой старик не удержался в седле. Пусть король был крепок внешне, старость берёт своё. Что он там себе сломал, шею, спину сломал или свернул, ему уже все равно.

У Тара перехватило дыхание от свежего воздуха, прохладного после недавнего дождя. Моора ждала крытая повозка, запряжённая четвёркой гнедых жеребцов, неброская такая повозка, и не скажешь, что первый советник в ней приехал. Разве что кони - такие красавцы только в королевской конюшне. Впрочем, прошло десять лет, возможно, изменилось и это. Георг залез внутрь, дверца осталась открытой в ожидании графа. Стражник, сопровождавший их весь путь от камеры, безмолвно отступил.

Тар жадно вдохнул свежего воздуха и, бросив последний взгляд на стены тюрьмы, направился к повозке. Но сел ни на сиденье, а на пол, тихо пристроившись в углу.

- Граф, - укоризненно протянул Георг. – Что Вы как собака там уселись?

- Вы верно выразились господин Моор, от меня смердит. Не хочу запачкать обивку. К тому же, я не граф, меня лишили этого титула при заточении.

- Если я обращаюсь к Вам как к графу, значит, так пожелал король, - утвердительно произнёс советник. – И повозку эту выделили специально, чтобы забрать Вас, так что садитесь, где подобает и пачкайте всё, что угодно.

Тар нерешительно пересел на сиденье. Моор закинул ногу на ногу, поплотнее укутался в плащ и довольно крикнув, велел кучеру двигать. Когда повозка тронулась, Тар прикрыл глаза. Он был свободен. Но его свобода пахла не дождём, а дорогим деревом и воском, которыми был пропитан экипаж.

Его выпустили из каменной тюрьмы, но заперли в другой — из интриг, амбиций и старых обид. Эта тюрьма была больше, удобнее и несравненно более опасной. Но в ней был тот, который помнил его не узником, а человеком. И ради этого стоило снова научиться дышать.

Вальдеса не волновало сейчас, по какому поводу он понадобился Амиру. Если за эти годы ничего не изменилось в сердце юного принца, сейчас уже молодого мужчины, короля, из него выйдет хороший правитель. Только взойдёт на престол и сразу же вспомнил о давнем друге, любимом собеседнике и учителе фехтования графе Таре Вальдесе. Причина не важна. Как факт осознавать это бывшему узнику было приятно.

Повозка медленно двигалась по улицам спящей столицы. Тар сидел, прислонившись спиной к сиденью, и через небольшую щёлку в стенке экипажа наблюдал за проплывающими мимо огнями. Вот мелькнул освещённый фонарями фасад таверны, фигура ночного сторожа, закутавшегося в плащ от дождя и тёмный переулок, где трое бродяг вероятно делили добычу.

Каждый звук, каждый образ впивался им с жадностью утопающего. За десять лет в каменной гробнице он почти забыл, что мир может быть таким... живым. Воздух, напоённый запахами дождя, древесного дыма, конского навоза и свежееиспечённого хлеба из ночной пекарни, кружил голову. Он вдыхал его полной грудью, чувствуя, как что-то окаменевшее и мёртвое в его душе начинает трескаться, давая ростки чему-то новому и хрупкому.

Моор не произнёс за всю дорогу ни слова. Он сидел, откинувшись на спинку сиденья, лицо скрыто в тени. Но Тар чувствовал на себе его неослабевающее внимание. Холодный, аналитический взгляд, изучающий каждое движение бывшего узника, каждую перемену в выражении лица. Лишь редкие отсветы фонарей выхватывали из мрака жёсткий профиль и сложенные руки советника. Тянуло от Георга чем-то железным, непреступным, колдовским. Первый советник короля, доверенное лицо Его величества, правая рука, но как будто сам по себе — это Тар почувствовал сразу. По манере общения, манере двигаться, вести себя. Может первое впечатление обманчиво, но как будто этот Моор не просто первый советник, а друг короля настолько близкий, что разрушь он целый город или проиграй в карты половину казны, король нахмурится, конечно, но простит.

Повозка наконец остановилась на одной из тихих, мощёных булыжником улочек, вдали от главных дворцовых магистралей. Георг открыл глаза, лениво потянулся, закрыл лицо широким капюшоном плаща.

- Приехали, господин граф, - констатировал он. – Здесь Вы проведёте ночь, следуйте за мной.

Тар с трудом поднялся, его ноги затекли и плохо слушались после долгого сидения в неудобной позе. На улице стояла осенняя ночь, тихая и холодная. Дождевые облака унёс ветер, и небо серебрилось мириадами звёзд. От мощёной камнем дороги, сейчас мокрой и чистой, пахло чем-то, по чему Вальдес скучал все эти десять лет.

Дом, перед которым они остановились, был невзрачным двухэтажным строением, ничем не выделявшимся среди соседних. Ни гербов, ни стражи у входа — лишь крепкая дубовая дверь с притёртой железной фурнитурой. Моор прикоснулся к косяку, нащупал невидимый в темноте механизм, и дверь бесшумно отворилась.

Внутри пахло воском, старыми книгами и сушёными травами. В прихожей, освещённой тусклым светом одной-единственной свечи, их встретила женщина лет сорока с бесстрастным,

как у солдата, лицом. Её волосы были туго убраны, а движения — точны и экономны. Служанка.

Она окинула Тара брезгливым взглядом, после чего вопросительно взглянула на хозяина.

- Накормить, отмыть, и чтобы, когда я вернусь, был готовым для визита к Его величеству, - распорядился Георг. – Располагайте этой женщиной Жоанной, как своей прислугой. До завтра, господин граф, доброй Вам ночи, - едва склонил голову и ушёл.

Жоанна удивилась произнесённому титулу, но тут же совладала с собой и, отразив на лице крайне приветливое выражение, указала Тару на лестницу, ведущую в верхние комнаты.

Глава 2

Казалось, он не спал лучше никогда в жизни. Точнее, спал конечно, но было это в какой-то другой, почти забытой жизни, за гранью десятилетия тьмы и сырости.

Большую часть ночи над ним, словно в причудливом, бесконечном хороводе, кружились незнакомые люди.

Сначала его искупали. Затем были брадобреи — их уверенные руки и острые лезвия сбивали годы заточения вместе с щетиной и спутанными прядями. После портные — бесцеремонно обмеряли его исхудавшее тело, а шёпот шелка и сукна ласкал слух, на который десятилетиями лился лишь лязг железа и писк крыс. Потом пришли парфюмеры, и терпкие, цветочные, древесные ароматы вытесняли въевшийся в кожу затхлый, ледяной запах тюремного камня.

Он не сопротивлялся, отдавшись в их руки с блаженной, почти детской покорностью, сквозь дремоту улавливая лишь обрывки фраз, шелест ткани, звон ножниц.

И когда, наконец, последний незнакомец скрылся за дверью, а за горизонтом уже заалел рассвет, он утонул в невесомой пучине перины, захлебнулся свежестью накрахмаленного белья и провалился в сон — без сновидений, без кошмаров, без воспоминаний, в котором не было ни прошлого, ни будущего, а лишь блаженное, полное, всепоглощающее ничто.

Сквозь его глухие слои до сознания долетел лишь один-единственный звук — собственный вздох, тихий и удивлённый. Тело, за десять лет отвыкшее от простой человеческой неги, не верило мягкости, теплу и покою. Мышцы поначалу непроизвольно напрягались, ожидая привычного — прикосновения ледяного камня или грубого пинка тюремщика. Но их встречала лишь ласковая пуховина, и понемногу Тар растаял в ней, как кусок льда в тёплых руках.

Его разбудил луч солнца, пробившийся сквозь разноцветные стекла витражного окна и упавший прямо на лицо. Он лежал с закрытыми глазами, ещё не в силах открыть их, прислушиваясь к внутренним ощущениям.

Тишина. Не оглушающая, гнетущая тишь каземата, а живая, наполненная уличными шорохами — далёким криком торговца, скрипом повозки, пением птицы за окном. Воздух. Он был свеж и пах деревом, воском и едва уловимыми нотами вчерашних духов. Сухость. Ни капли знакомой, вездесущей сырости, въевшейся в самые кости.

Тар медленно открыл глаза. Комната тонула в утреннем золоте. Потолок был высоким и светлым. На стенах — гобелены с охотничьими сценами. В углу — то самое кресло, на котором его ждал новый, сшитый за ночь наряд.

И тут пришло понимание — он не в тюрьме. Он на свободе. Он — граф Тар Вальдес. Не узник, не номер, не «эй, ты», а **граф**. Имя, возвращённое ему, отозвалось в груди горячим, щемящим чувством, от которого перехватило дыхание.

В этот момент дверь бесшумно открылась, и в комнату вошла Жоанна. В руках она несла медный таз с водой.

— Господин граф, с добрым вас утром, — почтительно поклонилась она, ставя таз на подставку. — Не замерзли сегодня? Ночи уже холодные.

Тар не сразу нашёл слова. Он молча смотрел на неё, всё ещё цепляясь за остатки сна, боясь, что одно неловкое движение разрушит этот хрупкий миг.

— Вы здоровы, господин граф? — в голосе служанки прозвучала искренняя тревога.

Вальдес вздрогнул, окончательно возвращаясь в реальность. Её низкий, грудной голос, такой неожиданный для её внешности, прозвучал как колокол.

— Доброе утро, Жоанна, — наконец выдавил он, и собственный голос показался чужим, осипшим, но уже не таким надтреснутым, как вчера в камере. Тар сел на кровати, и ноги упёр-

лись не в холодный камень, а в невероятно мягкие меховые тапочки. — Давно не чувствовал себя так хорошо. На мгновенье даже подумал, не в раю ли я уже.

Жоанна простодушно улыбнулась, и в её глазах не было ни тени насмешки или подобострастия.

— Что господин граф желает на завтрак? — заботливо осведомилась она.

И тут Тар, забыв обо всех условностях и этикете, с почти детской непосредственностью выпалил то, о чем мечтал все эти долгие годы:

— Горячей еды и мягкого хлеба.

И тут же спохватился, подумав, не слишком ли простое, плебейское это желание для графа. Но Жоанна лишь кивнула, её лицо не выразило ни малейшего удивления.

— На кухне есть парное молоко, — сообщила она, как нечто само собой разумеющееся.

— Подавай, — махнул рукой Вальдес, и в душе его что-то ёкнуло от этой простой, бытовой фразы, от права отдавать приказания, от возвращения в нормальную, человеческую жизнь.

Женщина снова улыбнулась, поклонилась и вышла, оставив его наедине с утренним солнцем, тишиной и головокружительным, пугающим и прекрасным ощущением свободы.

Он некоторое время сидел на кровати, подсознательно всё ещё не веря в реальность происходящего. Пальцы сжимали шёлк простыней, словно пытаясь найти под обманчивой мягкостью привычную жёсткость тюремной соломы. Но нет — только пушистая ткань, лишь тончайший аромат лаванды, лишь тепло собственного тела, согретого одеялом.

Наконец он сунул ноги в мягкий мех тапочек и прошёлся по комнате. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь разноцветные витражи, бросали на пол и стены радужные блики — осенние, но такие тёплые. А может, тёплыми они казались только ему, после десятилетней ледяной отчуждённости от мира.

Тар подошёл к тазу в углу и плеснул на лицо ледяной воды. Она оказалась бодрящей, упругой, пахнувшей чем-то свежим, травяным — возможно, Жоанна добавила в воду отвар мяты или шалфея. Капли скатились по шее, и он с наслаждением ощутил их прохладу на коже, не отвыкшей от подобных простых радостей.

Потом взгляд упал на кресло. Одежда, сшитая за ночь, лежала аккуратно сложенной, выглаженная и надушенная. Ткань даже со стороны выглядела несказанно дорогой, расшитой тончайшими золотыми нитями. Правда, расцветка была несколько аляповатой, кричащей — видимо, того требовала нынешняя мода.

На спинке кресла покоилась шляпа с длинным белым пером. Вальдес никогда не носил таких. Придётся привыкать. Рядом длинные сапоги, отороченные мехом. Рановато, не по сезону. Но кожа была выделана так искусно, что ему страстно захотелось их примерить. Добрые сапоги на мужчине — признак не только достатка, но и возвращённого достоинства.

Одевался Тар недолго, но потом долго разглядывал себя в зеркале. Тот же человек, что и десять лет назад, только осунувшийся, с проступившими на лице морщинами — особенно у глаз, будто вглядывавшихся все эти годы в полумрак. Черные кудри волос были теперь украшены прожилками благородной седины. Темные, почти черные глаза утратили прежний юношеский блеск, но оттого смотрели глубже, мудрее, словно научились видеть не только форму, но и суть. Вальдес в который раз поправил ворот рубашки, провёл рукой по волосам, стриженным до плеч, гордо вскинул голову и направился вниз, навстречу новому дню своей новой жизни.

Граф спускался по лестнице, и каждый шаг отдавался в нем непривычным эхом — не глухим стуком по каменным ступеням, а мягким поскрипыванием отполированного дерева.

В гостиной Жоанна хлопотала с несвойственной её пышной фигуре лёгкостью, порхая между столом и буфетом. За столом никого не было, и Тар с лёгким уколом разочарования подумал, что собирался слишком долго и Георг, не дождавшись, уехал. Но Жоанна, словно угадав его мысли, пояснила:

— Господин Моор ещё не благоволили проснуться. Вставать в такой час для королевского советника — дело неслыханное, — она совершенно точно лукавила, Вальдес был уверен, что советник короля не живет в этом доме. — К тому же, он никогда не завтракает нигде, кроме как у Его величества, — добавила служанка.

Вальдес смолчал, сел за стол и набросился на еду жадно, с наслаждением, заглатывая куски, почти не пережёвывая. Это был не голод тела, а голод души, жаждавшей вкуса свободы, осязаемой в аромате свежего хлеба и сладости парного молока. Он опустошал тарелки с таким усердием, что Жоанна, убедившись, что графу больше ничего не нужно, с лёгкой улыбкой удалилась, пообещав явиться по первому зову.

И вот он остался один. Тишина дома была иной — не тюремной, высасывающей душу, а умиротворяющей, полной скрытой жизни. Он услышал, как где-то хлопнула дверь, донёсся отдалённый смех служанки — простые, земные звуки, которые теперь казались ему прекрасной музыкой.

Граф уже допивал свой третий стакан молока, когда в гостиную вошёл Георг Моор. Тёмный строгий камзол подчёркивал его худощавую, почти аскетичную фигуру. Ткань была дорогой, но без единого украшения — практичной и строгой. Тар почему-то подумал, что этот человек не выносит роскоши, но и не может позволить себе выглядеть дёшево. Ещё Тар отметил неплохой плечевой пояс, свойственный для мужчины, регулярно практикующегося в фехтовании.

— Приятного аппетита, господин Вальдес, — произнёс он, беря из коробочки на камине сигару. — Разительная перемена произошла в Вас по сравнению со вчерашним вечером. Словно гусеница превратилась в бабочку.

— Благодарю, — коротко ответил Тар, отставляя пустой стакан.

Георг неспешно закурил. Дым сигары горьковатым облаком повис в воздухе.

Советник сел напротив, занимая позицию чуть в стороне, чтобы свет из окна падал на лицо собеседника, оставляя его собственные черты в лёгкой тени. Его движения были медленными, почти ленивыми, но каждый жест — от того, как он закуривал сигару, до того, как ставил бокал с вином, — был частью тщательно продуманной тактики.

Он давал Вальдесу время освоиться, наблюдая, как тот владеет собой в новой, непривычной обстановке.

— Готовы предстать перед королём? — спросил Моор, и вопрос прозвучал не как формальность, а как первая ставка в сложной партии.

— Считаю минуты, — отозвался Тар, и это была чистая правда. Каждая секунда на свободе была одновременно и блаженством, и мукой ожидания.

Георг удовлетворённо кивнул, и в этот момент солнечный свет, пробившийся сквозь окно, упал прямо на его лицо. Вальдес наконец разглядел его глаза. Глубоко посаженные, тёмные, как бездонные колодцы, они, казалось, видели не просто человека перед собой, а всё его прошлое, все тайные мысли и будущие поступки. Холодок пробежал по спине Тара, когда взгляд Моора встретился с его взглядом.

— Волнуетесь? — спросил советник, и в его голосе прозвучала не насмешка, а лёгкая, почти профессиональная любознательность.

Вальдес почувствовал, что пришло время сбросить маску благодарного узника.

— Вам ведь известно, для чего я понадобился Амиру... Его величеству, — поправился он. — Вам не может быть не известно.

«Напрямую в суть дела», — мысленно отметил Моор. — «Не тратит время на церемонии. Это ценно».

Советник откинулся на спинку стула, закинув ногу на ногу. Поза была расслабленной, но в глазах читалась собранность хищника, вычисляющего момент для атаки.

— Как Вы вчера верно заметили, отдаю честь Вашей проницательности, в королевстве произошёл некоторый переворот. Я бы назвал это политическим расколом... Политика предыдущего короля, да примет господь его душу, в чём я крайне сомневаюсь, не совсем соответствовала настроениям народа. Ещё немного господин Вальдес, и страну захлестнут восстания и бунты. Власть понадобится утверждать заново если получится.

Георг поднялся, подошёл к окну, откинул занавеску и оглядел двор, будто ожидая чьего-то визита.

— Соседние государства разделились на два лагеря, а Эхорт с нашей прежней политикой оказался посередине, так сказать, между двух зол. Между нашими соседями вот-вот разгорится кровопролитная война, и Эхорт окажется под ударом с обеих сторон, - советник повернулся к Тару, снова поймал его взгляд и, прислонившись спиной к стене у окна, продолжил. - А пока мы будем отбиваться от нападения наших соседей, с востока вот-вот подойдут войска Клима Косого, тысяч эдак восемнадцать.

Моор видел, как тёмные глаза графа загораются не страхом, а интересом, как пальцы непроизвольно сжимаются в кулак при упоминании угрозы королевству. *«Недоверие к власти сменилось чувством ответственности. Отлично.»*

- Я думал Клима давно повесили, - удивился Тар.

- Да, - хмыкнул Георг. — Его вешали раз девять, в разных городах, только Клим до сих пор жив, а его верные псы вместо него болтаются на виселицах. И таких псов, как я уже сказал, у него, по меньшей мере, восемнадцать тысяч голов. Я не буду говорить Вам то, что сегодня надлежит сказать королю, но я надеюсь, Вы понимаете, суть этого разговора?

- Не совсем.

Георг глубоко вздохнул.

- Ваша карьера до заточения, внушает уважение к Вашей персоне, - уголком губ улыбнулся советник. — И Ваш ход мыслей, господин Вальдес, соответствует нашим целям. Людей такого склада не много после правления короля Эльзимера. Вы нужны нам.

- Для чего? Не томите, господин Моор.

- Вы отправитесь с поручением от короля Амира и предпримите все возможные средства, чтобы помирить соседствующие с нами королевства, или хотя бы заинтересовать их вступить с нами в союз, и вместе с войском Эхорта направить мощь их армий против нашего общего врага.

Кабинет наполнила тишина. Моор стоял у окна, наблюдая за отражением Вальдеса в стекле. Он видел, как тот напряженно размышляет, как внутренне взвешивает все «за» и «против». *«Умение анализировать, а не поддаваться первому порыву. Неоценимое качество.»*

— Это Ваша идея, господин Моор? — наконец спросил Тар.

Георг медленно обернулся. На его губах играла едва заметная улыбка — не эмоция, а признак удовлетворения от правильно поставленного вопроса.

— Все идеи, имеющие вес, принадлежат правителю королевства, — ответил он с ледяным достоинством. — Я лишь советник Его величества.

Советник - не просто правая рука короля. Он его мозг, его воля, его тень, отбрасываемая на всё королевство. И теперь эта тень накрыла и его, Тара Вальдеса, предложив ему в обмен на свободу ношу, которая могла оказаться тяжелее тюремных цепей.

— Не пытайтесь разглядеть в сложившейся ситуации двойное дно, господин граф, — строго попросил Моор, и Тар в этот момент почувствовал, что таким вот тоном надлежит говорить истинному королю Эхорта. Холодок вновь пробежал по его спине.

Несомненно, Георг не просто советник.

— У меня есть время подумать? — спросил Вальдес.

Выражение лица Моора смягчилось, словно он получил нужный ответ на неозвученный вопрос.

— Ну, разумеется, господин граф, — чуть склонил он голову. — Сегодня по полудню состоится погребение Эльзимера. Тремя часами позже король Амир пожелает видеть Вас. До того времени Вы вольны думать. Но позвольте дать вам совет — думайте не о том, как избежать этой миссии, а о том, как её выполнить. В этом — единственный путь к настоящей свободе.

— Со стороны правителя Эхорта не ждут решительных действий, привыкли, верно? — осведомился Вальдес.

Георг оценивающе посмотрел на него, и в глазах советника мелькнуло нечто похожее на одобрение.

— Со стороны правителя Эхорта пока не ждут никаких действий — ни решительных, ни нерешительных. На месяц в королевстве объявлен траур по кончине Эльзимера, — объяснил Георг. — Но это не остановит Клима Косого, и мы должны осознавать это. Люди привыкли к стабильности, даже если это стабильность гниения. Ваша задача — стать тем ветром перемен, который придёт не с востока с армией захватчиков, а с запада — с мудростью и силой.

Советник снова прошёлся к окну, выглянул из-за занавески.

— А теперь прошу меня извинить, господин граф. Меня ждут на церемонии погребения усопшего короля. К оговорённому времени я вернусь за Вами. Используйте эти часы с умом — отдохните, соберитесь с мыслями. Возможно, это последняя передышка в Вашей жизни, — он слегка склонил голову и вышел, оставив Вальдеса наедине с тяжестью предстоящего выбора.

Тар остался один в тишине гостиной. Он подошёл к окну и посмотрел на улицу, где жизнь текла своим чередом — торговцы раскладывали товары, горожане спешили по своим делам. Простой, обычный мир, о котором он забыл за годы заточения. И теперь этот мир висел на волоске, а его, Тара Вальдеса, только что освободившегося из тюрьмы, просили стать его спасителем.

Глава 3

Своды усыпальницы сходились высоко над головой, образуя длинный, взлетающий в небеса купол. Серый, каменный холодный купол, но такой величественный в своей застывшей красоте. Стены расписаны ликами святых, свод оформлен вырезанными прямо в камне ангелами, что казалось, парят там, под самым потолком. Капелла Маэрленти – родовой склеп королевской династии, правившей в Эхорте уже сто восемьдесят девять лет.

Воздух здесь был неподвижным и густым, пропахшим навеки ладаном, каменной пылью и тленом. Он обволакивал подобно савану, приглушая звуки и делая каждый вздох отзвуком вечности. Мерцающий свет факелов, закреплённых в железных держателях, отбрасывал на стены и лица присутствующих зыбкие, трепещущие тени, превращая скорбную церемонию в подобие мистического ритуала.

По периметру усыпальницы, в нишах, укрытых ажурными решётками, покоятся девять надгробий предшественников Эльзимера. Каждое — молчаливый свидетель ушедшей эпохи, власти и страстей, давно канувших в Лету. Ни на одном нет фамилии, лишь имя и титул. Сакральная кровь не нуждается в родовом уточнении, ибо каждый её носитель – целый мир.

Десятое, ещё незакрытое, зияло в полу темным провалом, готовое принять в свои каменные объятия нового обитателя. Рядом, на возвышении, утопающем в венках из увядших осенних цветов, застыла в последнем сне фигура почившего короля, облачённая в церемониальный саван. Бледное, восковое лицо с закрытыми глазами казалось отстранённым и умиротворённым, будто все земные заботы — трон, власть, интриги — наконец-то отпустили его.

Два десятка фигур в траурных одеждах стояли вокруг, образуя живое кольцо скорби. И только двое из них знали, что эта скорбь — лишь тщательно поддерживаемая иллюзия, за которой скрывается жестокая правда. Первый — молодой мужчина с чистым, почти юношеским лицом, обрамлённым светлыми выющимися волосами. Его голубые глаза, украшенные длинными ресницами, смотрели на тело отца с выражением, в котором печаль причудливо смешивалась с отстранённостью. Сомкнутые на груди руки были скорее жестом привычки, чем истинной скорби. Мыслями король Амир был сейчас далеко от склепа, в лабиринтах государственных дел и тревожных предчувствий.

И второй — его тень, антипод и опора. Высокий, стройный, сотканный словно из куса тьмы, с лицом строгим и безэмоциональным, первый королевский советник Георг Моор. Его тёмные, почти чёрные одежды сливались с полумраком капеллы, а глубоко посаженные глаза, казалось, впитывали не свет, а саму тьму, царящую под сводами. Он стоял чуть позади и сбоку от Амира, неподвижный и безмолвный, но его присутствие ощущалось физически — как стена, как гарантия и как угроза.

Остальными присутствующими были многочисленные королевские родственники, съехавшиеся на похороны быстрее, чем если бы Эльзимер позвал их при жизни, и остатки королевской свиты, которой в будущем предстояло полностью смениться по желанию нового монарха.

Все они, кроме упомянутых двоих, были свято уверены, что Эльзимер, немощный от возраста, просто не удержался в седле, скатившись наземь и сломав себе хребет. Удобная версия, не вызывающая лишних вопросов. Ведь чья-то заботливая рука, подрезавшая подпругу, постаралась на славу, сделав все так искусно, что сама мысль о злом умысле казалась кощунственной.

- Господь меня покарает, — еле слышно, одними губами, прошептал Амир, глядя на неподвижное лицо отца.

- Воля народа замолвит за тебя словечко, — так же тихо, не шевелясь, парировал Георг, стоящий за его плечом. Его тон был ровным и холодным, как камни усыпальницы.

Гулкий, раскатистый голос священника, читающего заупокойную молитву, заполнял собой все пространство, заглушая даже собственное дыхание собравшихся. Казалось, сами стены вторили ему, шепча древние слова на языке веков.

- Ты освободил Вальдеса? Что он сказал тебе? — Амир снова нарушил молчание, не в силах совладать с нетерпением.

- Вальдеса освободили Вы, Ваше величество, — почтительно, но с укором поправил его Георг, намеренно выделяя титул. — Граф измучен заключением, его терзают сомнения и страхи. Дал бы ты ему недельку на размышление.

- У нас нет и пары дней, — сквозь зубы процедил король. — Ты объяснил Тару, что от него требуется?

- Испортил графу аппетит во время завтрака.

- И?

- Сир, будьте терпеливы, — мягко, но настойчиво попросил Моор. — Графу назначена аудиенция у Вашего величества сегодня в три

- Георг! — Амир выкрикнул его имя так громко и резко, что священник на мгновение запнулся, удивлённо воззрившись на монарха. В капелле наступила звенящая тишина, в которой отчётливо прозвучал сдержанный вздох Моора.

Король смущённо махнул рукой, давая знак продолжать. Голос священнослужителя вновь зазвучал, но прерванное заклинание уже потеряло свою магию.

- Уважайте мёртвых, мой король, — тихо, но внятно произнёс Георг, когда пение вновь затопило своды. — Всё же хоронят Вашего отца. - с этими словами он сделал шаг назад, отдаляясь от Амира на почтительное расстояние, достаточное, чтобы прекратить нежелательный разговор.

Погребение длилось ещё долго, целых полтора часа. Всё это время Амир пытался поймать взгляд советника, передать ему своё нетерпение и тревогу. Но Георг делал вид, что полностью поглощён церемонией. Его тёмные глаза были неподвижны, лицо — маской вежливой скорби. Он стоял, скрестив руки на груди, и казалось, был высечен из того же камня, что и стены усыпальницы. Амир кипел от бессилия, но поделать ничего не мог.

Наконец, священник произнёс последние слова, и собравшиеся начали медленно, чинно покидать капеллу. Но молодой король вдруг замер на месте, словно врос в каменные плиты пола. Он обернулся к зияющему провалу в полу, куда уже готовились опустить гроб с телом отца, и в его глазах вспыхнула неподдельная, щемящая тоска, замешанная на страхе.

Противоречивые чувства душили его. Он смотрел на это каменное ложе и видел в нём не просто отца, а символ всей власти Эхорта — тяжёлой, безжалостной, вымощенной страхом и подозрением. Страх сжал его горло ледяной рукой. Он боялся не смерти отца — он боялся стать им. Боялся, что трон, эта огромная каменная глыба, раздавит в нём всё светлое, что осталось от того мальчика, которого учил фехтовать Тар Вальдес. Что ему придётся надевать маску безразличия, подписывать смертные приговоры, видеть в каждом придворном потенциального предателя.

Он боялся, что власть, которой он так жаждал, чтобы всё исправить, превратит его в такое же чудовище, каким был его отец. А ещё сильнее он боялся обратного — оказаться слишком мягким, слишком слабым, не суметь удержать в руках бразды правления, увидеть в глазах Георга - единственного человека, кому он доверял, разочарование. И тогда его ждала бы участь страшнее смерти — быть свергнутым, осмеянным, жалким королём-неудачником, чьё имя станет нарицательным для слабости.

Он простоял так несколько мгновений, а потом, будто подкошенный этим внутренним напором, рухнул на колени перед свежей могилой. *Крупная, хрустальная слеза скатилась* по его бледной щеке и упала на холодный камень. Это были слезы не только по отцу, но и по себе

— по тому человеку, которым он был, и которым ему, возможно, уже никогда не суждено было стать. Плечи монарха затряслись от беззвучных рыданий.

Никто, кроме Георга, не видел этой внезапной, детской слабости. Но Моор не стал подходить, не произнёс слов утешения. Он понимал, что некоторые раны нужно пережить в одиночестве. Он видел эту борьбу в спине Амира, в его сжатых кулаках, и знал, что это — единственная битва, в которой советник не может помочь своему королю. Её Амир должен был выиграть сам. Или проиграть.

Молча развернувшись, Георг вышел во внутренний двор капеллы, оставив Амира наедине с его горем, его страхами и тяжёлым наследием короны, которое могло либо возвеличить его, либо уничтожить.

Стоя во дворе капеллы, Георг прислонился спиной к холодному камню и закрыл глаза, подставив лицо осеннему солнцу. Но даже сквозь веки он видел не солнечный свет, а образ рыдающего на коленях короля. Он понимал Амира лучше, чем тот понимал себя. Видел, как в нем борются два человека: мальчик, мечтающий о справедливости, и правитель, вынужденный принимать жестокие решения. И Моор знал, что эта борьба — не слабость, а единственный шанс Амира не превратиться в своего отца. Хуже был бы только один исход — если бы эта борьба прекратилась, и Амир смирился с необходимостью быть тираном.

К нему подошёл кто-то из придворных, робко спросил об отсутствии Его величества. Георг, не открывая глаз, махнул рукой:

— Ожидайте короля во дворце. Его величество присоединится к вам вскоре.

Двор быстро опустел. Никто не хотел задерживаться в этом месте дольше необходимого, да и ждать молодого короля, поглощённого горем, никто особо не стремился. Лишь бы не навлечь на себя немилость в такой день.

Четверть часа спустя дверь капеллы открылась. Амир вышел на свет бледный, как полотно, с глазами, покрасневшими от слёз, но сухими и холодными. В них больше не было ни следа той юношеской мягкости, что была там некоторое время назад. Теперь это был взгляд правителя, принявшего своё бремя — тяжёлое, нежеланное, но своё.

Он подошёл к Георгу, и его голос прозвучал тихо, но твёрдо, без следов недавних рыданий:

— Поехали отсюда.

Всю дорогу до дворца, пока карета подпрыгивала на брусчатке, короля терзали молчаливые сомнения. Он мысленно примерял на себя роль отца, и с ужасом понимал, что некоторые из его методов были не просто жестокостью, а холодной необходимостью. Как иначе удержать страну, которую десятилетиями разъедали алчность и коррупция? Но где та грань, переступив которую, он сам станет чудовищем? Он смотрел в запотевшее окно на серые улицы Эхорта и видел не город, а бесконечное поле битвы, где ему предстояло сражаться не с внешними врагами, а с самим собой.

Георг Моор сидел напротив и внимательно смотрел на короля, словно читал его мысли. Впрочем, нынешний первый советник так давно и хорошо знал Амира, что мог безошибочно судить о содержании его дум.

Решительность Амира успокаивала Моора, но в свете последних событий, беря в расчёт осведомлённость молодого монарха о том, как и кто устраивал данный переворот в судьбе королевства, Георг опасался, что король запутается и сдастся. Он и без того прикладывал все усилия, чтобы снять с плеч неопытного ещё правителя как можно больше дел. Сам старался побывать лично или через доверенных людей в нескольких местах одновременно.

Король должен чувствовать вес короны, но не должен позволять ей ломать себе шею.

Словом, Георг был гласом, ушами и волей короля всюду, лишь бы Амир не ошибся и не сломал тщательно продуманную стратегию по восстановлению некогда великого королевства Эхорт. Амир был лицом нового короля, Георг же был его сутью. Он начал действовать

задолго до кончины Эльзимера. И теперь посеянные повсюду семена великих идей начинали давать ростки. И оставлять эти ростки без присмотра было нельзя. Действовать предстояло решительно.

Первым таким появившимся ростком была «неожиданная» кончина Эльзимера и восхождение на трон его единственного наследника. Объявление же Георга первым королевским советником, автоматически развязывало Моору руки, давая полную свободу действий. Вторым необходимым звеном в этой цепи было освобождение Тара Вальдеса, которому предстояло стать творцом внешней политики нового короля. Более подходящей кандидатуры на примете у Моора не было, да и желанию нового короля — освободить из заключения старого друга, идея Георга соответствовала полностью.

Георг вышел из кареты вслед за королём и тут же послал за графом Вальдесом, а сам предложил Амиру отобедать, ссылаясь, что с утра «крошки во рту не держал».

Глава 4

Ничего не изменилось в тех коридорах, которые он помнил, даже участки потрескавшейся кое-где штукатурки остались те же. Не изменилось и расположение королевского кабинета, который занимал ныне новый монарх. Эта неизменность была одновременно и утешительной, и пугающей. Словно время в этих коридорах застыло, дожидаясь, когда он вернётся, чтобы продолжить с того самого места, где всё оборвалось десять лет назад.

Вальдес остановился, нерешительно постучал. Ответа не последовало. За дверью велась оживлённая беседа на повышенных тонах. Судя по всему, король отчитывал кого-то, не скупясь на резкие слова и изречения. Этим кем-то, очевидно, был королевский казначей, ныне — министр финансов. Король бранил его за расточительность там, где этого делать не следовало, за скупость и недалёковидность во многих вопросах, и главное, за пренебрежение королевскими указами.

Тар прислонился к прохладной стене, слушая этот разговор. В голосе Амира слышалась не только ярость, но и отчаяние — словно молодой король пытался сдвинуть с места неподъёмную глыбу вековой бюрократии и коррупции. Министр ссылаясь на то, что получил указы только вчера, а распоряжения раздал ещё до этого. Но Амир был непреклонен. Он ругал казначея и за то, что тот не следит за деятельностью приписанного к нему камерера, и тот собирает налоги чаще, чем это требуется и в гораздо большем размере, чем следует. Тут же пообещал упразднить должность ответственного за сбор налогов и переложить эти обязанности на плечи нового, более сообразительного министра финансов.

В конце коридора раздались торопливые тяжёлые шаги. Вальдес замер, не зная, как себя вести и куда ему встать. Растерялся, подошёл к окну, сделав вид, что в ожидании аудиенции, наблюдает за чем-то на улице. Эта минутная растерянность вернула его на десять лет назад — таким же неуверенным он стоял когда-то перед кабинетом короля Долгета, не зная, что та встреча станет для него роковой.

Широко шагая, по коридору двигалась долговязая фигура Георга.

— Вы уже здесь, господин граф! Подождите немного, Его величество скоро Вас примет, — бросил он на ходу и влетел в кабинет короля, словно в свой собственный.

— Успокойтесь, Ваше величество, уже всё улажено, — услышал Вальдес, прежде чем толстая дубовая дверь закрылась.

— Я вижу рядом с собой людей, более достойных поста министра финансов! — прогремел король.

Голос Амира звучал молодо и резко, но в нём уже появились те металлические нотки, которые свойственны тем, кто обременён властью.

Моор ответил ему что-то не громко, после чего в кабинете воцарилась тишина и немного погода невысокий лысеющий, толстопузый мужчина вышел оттуда бледный как лист бумаги. Увидев Тара, выпрямился, покряхтел и с напускным гордым видом направился по коридору. Не прошло и минуты, как дверь кабинета открылась, и Георг пригласил графа пройти.

Переступая порог кабинета, Тар почувствовал, как сжимается сердце. Здесь пахло так же, как и при старых королях — воском, старыми книгами и властью. И теперь ему предстояло увидеть, кто скрывается за этим запахом — мальчик, которого он учил держать меч, или новый властитель Эхорта, чье правление уже началось с гневных окриков за дверью. В груди защемило: он боялся этого момента больше, чем тюремных крыс и сырости камеры.

Кабинет короля представлял собой просторную, увешанную гобеленами комнату. Почти по центру массивный стол мареной вишни, за ним расшитое золотом кресло, за которым в половину стены пылал шикарный камин. Пол устлан шкурами, очевидно содранными с животных, пристреленными на охоте бывшим правителем. Окна завешаны тяжёлыми шторами так,

что и лучика света не проникает с улицы. Кабинет освещали огонь камина и сотни свечей повсюду. У стола, облокотившись руками о столешницу, фигура короля. Вальдес узнал его сразу, несмотря на долгую разлуку. Да, Амир изменился, возмужал, но в напряженной позе, в том, как он сжал край стола, угадывался всё тот же мальчик, не уверенный в своих силах.

И в этот же миг Амир поднял на него глаза, и Тар увидел в них не гнев монарха, а мучительную неуверенность. За эти десять лет он представлял их встречу по-разному, но только не такой: он, король, чувствующий себя виноватым, и его друг, прошедший ад, в котором он был бессилен что-либо изменить.

- Прошу прощения, господин Вальдес, этот бардак в королевстве... делают что хотят, - вздохнул монарх, и в его голосе прозвучала искренняя усталость.

Георг за спиной графа многозначительно закричал.

- Ваше величество, - поклонился Тар. - Стоит ли королю извиняться перед подданными?

- Да, - строго ответил Амир, и в его тоне прозвучали нотки настоящей королевской воли.

- Вы были приглашены к трём. Сейчас двенадцать минут четвёртого, я заставил Вас ждать. А точность, знаете ли — необходимое качество для наследников королевской крови.

Он говорил правильные слова, но его взгляд, пристальный и немного потерянный, выдавал его истинные мысли: «Простишь ли ты меня? Сможешь ли после всего служить мне?»

Тар молчаливо поклонился снова.

Они долгое время смотрели друг на друга в молчании, пока черты лица короля не стали смягчаться. Амир улыбнулся, подошёл к Вальдесу и, не стесняясь стоящего у двери Моора, крепко обнял графа.

- Мой добрый друг, как я рад видеть Вас, - сообщил король, и его голос дрогнул.

Что-то внутри Тара облегчённо упало. Это был не тиран. Это был всё тот же Амир, просто вынужденный носить маску, которая ему ещё велика. И в этом жесте, в этом объятии, сквозь которое проступали и вина, и надежда, Тар нашёл ответ на свой страх.

- И мне приятно видеть Вас в добром здравии... мой король, - Тар почтительно склонил голову, но в его голосе прозвучала теплота, которую он не мог и не хотел скрывать.

- Пустяки, - отмахнулся Амир, отступая на шаг и снова пытаясь надеть на себя королевское достоинство, как не подогнанный доспех. - Теперь быть в добром здравии мой долг. Присаживайтесь, дорогой граф, - указал он на кресло подле стола. - Нам о многом нужно поговорить.

«Попросить ли его о помощи прямо сейчас? — металась мысль в голове Амира. — Имею ли я право, после того как оставил его гнить в заточении? Но без него я не справлюсь...»

Тар, почувствовав себя более уверенно, опустился в указанное кресло. Покосился на изучающего свои ногти Георга.

- Не стесняйтесь господина Моора, мой дорогой граф, - ласково попросил король. - Он мой добрый друг и единственное лицо в королевстве, кому я могу доверять, наравне с Вами, разумеется.

Эти слова «наравне с Вами» прозвучали как исповедь и как надежда. И Тар понял — его не просто освободили. Его звали назад, чтобы разделить не только власть, но и тяжесть короны, которую молодой король пока не научился нести в одиночку.

Георг поднял на короля блуждающий взгляд.

- Я могу уйти, Ваше величество, - сообщил он. - Своё слово господину Вальдесу я уже сказал, в то время как при дворе Вашего величества забот ещё хватает.

- Остайся, - разрешил король.

Георг только развёл руками, мол «как угодно» и, подойдя к столу короля, достал из ящика коробочку сигар.

- О, прошу, не кури здесь! — попросил Амир. — Ты же знаешь, я не выношу, когда в моем кабинете накурено.

Советник снова развёл руками и согласно положил сигары обратно. Вальдес отметил ту деталь, что король не страдал столь зловредной привычкой, в то время как в его столе, к тому же в верхнем ящике, хранились сигары его первого советника. Не слишком ли нагло? Кабинет занят только вчера и уже такие порядки. В своих действиях Георг, не стесняясь, ставит себя наравне с королём.

Раз запретили курить, тогда советник отошёл к высокому шкафу с книгами, и наугад достав одну и них, стал увлечённо листать, иногда бросая в сторону короля внимательные взгляды.

Тар же медленно опустился в кресло, ощущая под собой мягкость бархатной обивки. Такая простая вещь — сидеть в удобном кресле, а не на каменном выступе в камере... Он провёл ладонью по резным деревянным подлокотникам, словно проверяя реальность происходящего. Каждая минута в этом кабинете была противоречием: тепло камина против сырого холода темницы, уважительный тон короля против грубых окриков тюремщиков. И самый главный парадокс — он, бывший узник, теперь сидел здесь как доверенное лицо монарха.

Георг делал вид, что погружен в изучение фолиантов, но Тар чувствовал его внимание — острое, неусыпное.

- Как Вы себя чувствуете, мой дорогой граф? — начал король, садясь напротив. — Хотя, что за вопрос! Вы должно быть паршиво чувствуете себя после десятилетнего сидения в этой дьявольской дыре! Лучше ответьте, в чём Вы нуждаетесь, господин граф?

Вальдес замешкался. Столько лет его главной потребностью была просто возможность дышать свежим воздухом. А теперь...

- В чём может нуждаться бывший узник? У меня нет ничего, мой король. Ни дома, ни хозяйства, ни денег. Только имя, которое Вы вернули мне, да будет благословенно за это Ваше правление.

- Все, что требуется, будет у Вас, господин Вальдес. Это я Вам обещаю, — воскликнул король, и в его глазах вспыхнул тот самый огонёк, который Тар помнил у юного принца. — Дом, в который Вас привезли, дорогой друг, полностью Ваш...

- Но, мой король... — опешил Тар, бросив растерянный взгляд на Георга. Тот даже не повернулся, делая вид, что увлечён чтением.

Амир сжал руку на столешнице. Он видел сомнение в глазах Тара и понимал его. Как можно доверять тому, кто не спас тебя от десяти лет ада?

- Вы можете распоряжаться им по-своему усмотрю, — продолжил Амир, стараясь говорить твёрдо. — Это не дом господина Моора, он выкупил его для Вас, граф. Там только его служанка, но...

Амир взглянул на Георга. Тот молча махнул рукой.

- Но она останется с Вами, если пожелаете.

- Как можно, Ваше величество! — воскликнул Тар, но в его протесте было больше растерянности, чем отказа.

- Решайте этот вопрос сами, — заявил король, и в его голосе прозвучало явное нежелание заниматься такими мелочами. — Кроме того, Вам выделят из королевской казны достаточно средств на первое время, и я назначу Вам приличное жалование.

Вальдес смотрел на короля и чувствовал, как усиливается в груди приятное трепетание. Неужели он сможет начать всё заново, с чистого листа. Но вспомнился утренний разговор с Георгом, и что-то оборвалось внутри.

- Что я должен за это? — строго спросил Тар.

Наступила пауза. Амир опустил глаза. Это был самый трудный вопрос — просить о службе того, кого предали.

- Ну, вот мы и дошли до цели нашей беседы, — вздохнул Амир. Поднялся с кресла, молча прошелся по комнате. — Не так много, господин Вальдес, — король снова облокотился руками о столешницу. — Поступить ко мне на службу - в качестве моего поверенного.

Тар молчал, и тогда Амир продолжил более уверенно:

- У Вас будут все необходимые полномочия. Словом, что бы Вы не сделали и как бы не поступили, я это одобряю. Знать о ней, как и о нашем разговоре, должны всего три человека: я, Вы и господин Моор.

- А если я откажусь? — смело спросил Вальдес. — Снова камера?

Король посмотрел на него с такой болью, что Тар сразу пожалел о своей жестокости.

- За кого Вы меня принимаете? — покачал он головой. — Времена тиранов прошли со смертью моего отца, короля Эльзимера. Неволить Вас никто не будет. Я считаю Вас своим другом, граф.

Моор у книжной полки кашлянул, шумно захлопнул книгу и, поправив ворот рубашки, словно ему стало душно, принялся изучать другой том.

- Но Вас вышлют за пределы королевства, господин граф, — тут же сообщил король. — Вы понимаете, что в первый день своего правления я освобождаю врага государства, коим Вас считали мой отец и дядя, и не могу оставить Вас свободно разгуливать по улицам Эхорта. Я дарую Вам свободу, но должен оградить себя от ненужных сплетен. Через несколько лет, когда всё утихнет, Вы сможете вернуться. Я выделю вам достаточно денег на первое время. Решайте.

Кабинет наполнила тишина, тяжёлая и многозначительная. Амир стоял, не смея дышать, боясь услышать отказ. А Тар видел перед собой не короля, а мальчика, который из последних сил пытается делать то, что должен, но отчаянно нуждается в поддержке.

- Располагайте мной, мой король, — ответил, наконец, Тар. — Как скоро я должен отправляться с Вашим поручением?

В глазах Амира блеснула не только благодарность, но и огромное облегчение. Он не остался один.

- Чем скорее, тем лучше.

- Как скоро ожидается приближение войск Клим Косого? — уточнил Вальдес.

- Месяца полтора, самое большое два, — ответил за короля Моор.

- Тогда я выезжаю немедленно, — решительно заявил Вальдес.

Кажется, Амир опешил от такого заявления, но быстро совладал с собой, вернув лицу прежнее уверенное выражение.

- Тогда обсудим детали, — спокойно произнёс он, но в его глазах читалась бесконечная признательность.

Тар кивнул, его решение было окончательным. Но облегчение в глазах Амира тут же сменилось новой тревогой.

— Но я должен предупредить... — начал король, но Георг, до этого молча слушавший у книжных полок, мягко прервал его.

— Позвольте мне, Ваше величество, — советник подошёл к столу и развернул на нём карту, достав её, казалось, из ниоткуда. Его палец лёг на горный хребет у восточной границы. — Ваше путешествие не терпит отлагательств. И вот почему.

Палец Моора сместился, указывая на несколько точек в предгорьях.

— Пока мы здесь хороним одного короля и коронуем другого, Клим Косой не дремлет. Его разведотряды уже здесь. Они малы, мобильны и действуют как стая голодных волков: грабят обозы, жгут селения и нанимают в свои ряды всякий сброд. Официально войны ещё нет. Фактически — она уже идёт.

Тар внимательно смотрел на карту, его взгляд стал жёстким, собранным. Десять лет забвения отступили перед лицом конкретной задачи.

— Значит, моя дорога будет не только дипломатической, — констатировал он.

— Именно, — в голосе Георга впервые прозвучало одобрение. — Ваша задача — не просто доехать. Ваша задача — пройти через этот фронт невидимо, оценить его силу и слабость своими глазами. Дипломатия начнётся там, — он ткнул пальцем в столицу соседнего королевства, — но, чтобы добраться до неё, Вам придётся стать тенью.

— Вы хотите, чтобы я сделал то, что сделали бы Вы сами, окажись на моем месте, — без всякой драмы констатировал Вальдес.

В уголке губ Георга дрогнул почти невидимый мускул.

— Я могу быть только в одном месте, граф. И моё место — здесь. Ваше — там. От того, насколько хорошо Вы справитесь с ролью моих глаз, ушей и... при необходимости, клинка, зависит, успеем ли мы собрать армию до того, как Клим переварит пограничные земли и ударит по сердцу Эхорта.

В кабинете повисла пауза, наполненная уже не сомнениями, а суровой решимостью.

Амир молча наблюдал за этим обменом репликами. Он видел, как его старый друг и его главный советник, словно две шестерёнки, вошли в сцепление, запуская сложный механизм, от которого теперь зависела судьба королевства. Страхи и сомнения отошли на второй план. Начиналась игра, ставка в которой была выше, чем чья-то одна жизнь.

— Тогда не будем терять времени, — Тар повернулся к Амиру и склонил голову в прощальном поклоне. — С Вашего позволения, Ваше величество.

И не дожидаясь ответа, бывший узник решительным шагом направился к выходу. Дверь за Таром закрылась. В кабинете повисла тишина, которую нарушал лишь треск поленьев в камине.

Амир обернулся к Георгу, и его лицо снова исказила мука.

— Мы послали его на убой, Георг. Только что вышедшего из тюрьмы... Моего друга...

Георг не двинулся с места. Его голос прозвучал ровно и холодно, как сталь.

— Мы послали на задание единственного человека, способного его выполнить. Друг здесь ни при чем.

— Но он...

— Он сделает то, что должен, — отрезал Моор. — А Вы, Ваше величество, должны сделать то, что должны. А именно — перестать видеть в нём друга. С этой минуты Тар Вальдес — Ваш клинок. Вы направили его в цель. Остальное — его дело.

Амир хотел что-то возразить, но встретивший его взгляд Георга был безжалостен. В нём не было места сомнениям.

— Если Вы хотите играть в дружбу, Ваше величество, — тихо, но отчётливо произнёс советник, — сложите корону. Трон и сантименты — вещи несовместимые. Вы сделали единственно верный ход.

Развернувшись, Георг вышел, оставив Амира наедине с тяжёлым грузом принятого решения — по-настоящему королевского, безжалостного и одинокого.

Глава 5

Королевская родня — ненадёжная опора, когда речь заходит о престоле. Многочисленные дядя и тётки считают своим долгом при первом же удобном случае заявить права на трон. А если законным правом обладает один-единственный — молодой и здоровый, — всегда найдутся те, кто не преминет это здоровье подпортить. Жгучее, непреодолимое желание обладать властью, а тем более — упрочить свою, словно гнилостный червь, точит души.

Дымный, удушливый жар камина наполнял небольшую комнату до отказа, вытесняя последние крупы свежего воздуха. В плотной, прогретой до дрожи атмосфере плавился даже звук.

— Дров! Жарче, топите, черти одуревшие! Или я велю выдрать вас на конюшне!

Надрывное, хриплое ворчание, уже треть часа раскатывавшееся по комнате, било от увешанных коврами стен и возвращалось обратно, замыкая порочный круг ярости.

— Я из-за вас, идиотов, костей не чувствую!

Двое мальчишек-слуг, мокрые от пота и страха, метались перед камином, подбрасывая поленья. Камин пылал так, словно за его решёткой пытались сжечь саму зиму, до которой, к слову сказать, ещё несколько недель. Воздух струился маревом, обжигал лёгкие.

— Я сказала — Ж-А-Р-Ч-Е!

В своём широком кресле, заложенная со всех сторон подушками и укрытая поверх пышной парчовой юбки горностаевым одеялом, сидела герцогиня Элеонора де Мийлем. Её когда-то гордые черты теперь опали, кожа желтела, как старый пергамент, но щеки пылали нездоровым, багровым румянцем — от жара, от ярости, от вечного внутреннего пожара. Что-то не просто случилось, а сломалось в её здоровье лет семь назад, подточенное годами унижений и влажного эхортского климата, который она ненавидела лютой, физиологической ненавистью.

Слуги, доведя камин до немыслимого жара, покорно склонились, выслушали новую порцию изысканной брани и, чуть не падая от духоты, выплеснулись вон.

Герцогиня с наслаждением протянула к пламени короткие, пухлые руки, униженные тяжёлыми, старинными перстнями.

— Проклятый Эльзимер, — прошипела она, и в её голосе звучала личная, выстраданная обида. — Не мог этот хрыч сдохнуть на два месяца раньше. Эта сырая яма меня добьет. Добивает уже.

— У нас в Мийлеме климат ничем не лучше, маменька, — фыркнула, обмахиваясь веером, густо напудренная и напомаженная девица в углу. Её тонкая, перетянутая корсетом фигурка казалась ещё хрупче на фоне материнской монументальности. — Вы везде мерзнёте. А в комнате — дышать нечем.

— Это потому, что наш милый племянник-король сплавил свою любимую тётушку в эту конуру, словно какую-то приживалку! — Элеонора резко, по-кошачьи передёрнула плечами. — Тьфу! Называть королём этого молокососа, этого выкормыша какого-то Моора... Противно до тошноты.

Девица — её дочь, Лориза — поднялась и, пошатываясь от духоты, подошла к окну, приоткрыла створку. Тонкая, аристократическая шея, украшенная дорогим ожерельем с безвкусно крупными камнями, нервно вздрагивала. На бледном, кукольном личике алели лишь губы — густо и небрежно покрашенные, будто в насмешку над трауром.

— Что поделать, маменька, Амир — единственный законный наследник, — пролепетала она тонким, бесцветным голоском.

— То-то и оно! Единственный! Да и тот — ни рыба, ни мясо! Безвольная тряпка! — Герцогиня издала звук, средний между кашлем и презрительным хрипом. — Помнишь, как он в детстве заикался, когда на него повышали голос? Как прятался за юбку своей няньки? Эта

мокрая курица теперь король! А на поминальном ужине, когда лорд Вердан начал говорить о необходимости жёстких мер против бунтовщиков, он побледнел и не нашёл что ответить. Просто сидел и молчал, уставившись в тарелку! Из таких короли не вырастают. Из них вырастают марионетки.

— Он опирается на твёрдое плечо своего советника, — раздался у входа голос. В комнату, тяжело переступая, вкатился Глиб Пэтэн, муж её дочери Лоризы. Невысокий, круглый, похожий на дорого одетого карапуза. Его щеки пылали, маленькие глазки-щёлочки масляно блестели, составляя разительный контраст его бледной, худой и такой же безвольной супруге.

— Кто-нибудь скажет мне, откуда при дворе взялся этот Моор? — Элеонора процедила слова сквозь стиснутые зубы, и её ледяной взгляд, тяжёлый и пронзительный, впился в зятя, заставляя того съёжиться.

Глиб беспомощно развёл руками.

— Никто не знает, матушка. Но ясно одно: Георг тенью следует за королём. Они едят вместе, совещаются вместе, правят вместе... Кажется, даже дышат в унисон. К Амиру не подступиться, пока этот выскочка рядом.

Герцогиня скривила губы в брезгливой гримасе, будто почувствовала дурной запах.

— Я — первая в очереди на престол после прямых потомков Эльзимера. Его двоюродная сестра! — Она откинула одеяло и поднялась с кресла с неожиданной для её тучности и болезненности энергией. Осанка, гордая и надменная, на мгновение вернула ей призрачное величие прошлого. — А после меня — моя дочь. — Её взгляд скользнул мимо Лоризы, замершей у окна, и уперся в Глиба. Она едва заметно, почти интимно, подмигнула ему. Этот жест был страшнее открытой угрозы. — И я приму эту корону, ибо я — более достойна! Или я не Элеонора де Мийлем! — Она сделала шаг к камину, так близко, что языки пламени едва не лизнули подол широкой юбки. Казалось, герцогиня готова была шагнуть в огонь, лишь бы согреть свою вечно ледяную кровь.

— Нужно понять, что это за человек. Изучи его вдоль и поперёк, — прошептала Элеонора и на ее губах заиграла ехидная, хищная улыбка. — Узнай, что он любит? А может быть... *кого?* Что ест, что пьет, с кем спит, каким мылом умывается? Одним словом — *всё*. Я должна о нем знать всё.

Глиб нервно потянул за тугой воротник камзола.

— Но Моор... он же появился при дворе всего несколько дней назад! К нему не подступиться!

Обращённый на него взгляд герцогини стал абсолютно плоским и холодным, как лезвие ножа. Он погасил в зяте все возражения, выжег саму возможность сопротивления.

— Глиб прав, матушка, — робко встряла Лориза. — Откуда можно что-то узнать о человеке, о котором никто не слышал до вчерашнего дня?

Комната огласилась коротким, раскатистым, безрадостным смехом герцогини.

— Не появился же он из ниоткуда, как черт из табакерки! У каждого есть прошлое. Надо лишь копнуть глубже.

— Одного взгляда на него хватает, чтобы усомниться, — мрачно хмыкнул Глиб.

Элеонора лишь покачала головой, и в её глазах вспыхнул тот самый холодный огонь, которого так боялся Глиб. Огонь фанатичной уверенности.

— Кем он был? Никем. А стал — всем. Власть, свалившаяся на пустое место, ослепляет, дети мои. Так что скоро он перестанет замечать, как вокруг него плетётся шёлковая петля. И как она медленно, неумолимо затягивается. Защита Амира рухнет. И трон будет наш.

Её губы снова исказила та же хитрая, жутковатая усмешка. Глиб смотрел на это неясное ему торжество с подобострастием и страхом. Эта женщина была не просто зла. Она была отчаянна. И это делало её смертельно опасной.

— Оставшись один, Амир подпишет отречение. В этом нет сомнений, — заявила она с уверенностью человека, держащего в руках нити судьбы.

Глиб сглотнул. Маленькая, жгучая искорка ужаса давно тлела в его груди. Узнай король об их планах... но король, пожалуй, простил бы тётку. А вот Моор... С Моором они все умрут долгой и мучительной смертью. Он был в этом уверен.

— И всё-таки... что, если король окажется крепче, чем мы думаем? — выдавил он, чувствуя, как предательски дрожат колени.

Элеонора собралась было рассмеяться, но ее скрутил спазм удушливого кашля. Возвращение ко двору всегда усугубляло её здоровье. Ничего, она адаптируется, как всегда. Герцогиня тяжело рухнула в кресло, и на мгновение в её глазах мелькнула тень не боли, а ярости на собственное немощное тело.

— Король подпишет отречение своей рукой, — прохрипела она, когда Глиб, подобострастно суетясь, укрыл ноги тётки. — А кто будет направлять его руку... не имеет значения. Сейчас его пером водит первый советник. Что ж... это поправимо. Как, впрочем, и сама кандидатура Его Величества.

— Маменька, побойтесь Бога! — Лориза, вся в слезах, упала перед креслом, прижавшись лбом к материнским коленям.

Короткие, пухлые пальцы в перстнях легли на её светлую головку. Жест был формально ласковым, но в нём не было ни капли тепла.

— Не надо страхов, дитя моё, — голос герцогини стал шёлковым, ядовитым. — Страх — удел слабых. А герцогиня Мийлемская... — пальцы вдруг сжали тонкие волосы дочери, заставив ту вздрогнуть от боли, но тут же отпустили, — ...слабой никогда не была. И её потомки не будут. — Герцогиня откинулась на спинку кресла, и взгляд её устремился в пространство, за стены этой душной комнаты, в будущее, которое она для себя предначертала. — Моя кровь будет на троне. Так должно быть.

Последние слова повисли в раскалённом воздухе, обретая зловещую двусмысленность. То ли речь шла о крови её рода, что должна была унаследовать трон... То ли о крови, которую предстояло пролить для этого. Глиб смотрел на тётку, и ему стало не по себе. В выцветших глазах Элеоноры горел фанатичный огонь, в котором смешались материнская амбиция и нечто более тёмное, первобытное — жажда мести всему роду Эльзимера за унижения.

Глава 6

Кабинет Георга Моора был его крепостью, лабораторией и наблюдательным пунктом, с которого он видел всё королевство как на ладони. Комната, расположенная в дальней, слабо освещённой части дворца, не блистала роскошью. Высокие стены, уходящие в сумрак, были заставлены стеллажами до самого потолка. Полки гнулись под тяжестью фолиантов в потёртых кожаных переплётах, аккуратных папок с донесениями и свитков пергамента, скреплённых простыми шнурами. Воздух здесь всегда был особенный – густой, спёртый, с устойчивым букетом ароматов: пыли веков, кисловатого запаха старой бумаги и чернил, и вечного, неистребимого духа воска от бесчисленных свечей.

Именно здесь, в этой цитадели информации, Георг и проводил большую часть своих ночей. Сейчас он стоял, склонившись над массивным дубовым столом, заваленным бумагами. Его длинная, несколько угловатая фигура в простом тёмном камзоле, предписанном траурным этикетом, отбрасывала на стену причудливую, вытянутую тень. В угольных глазах – привычная сосредоточенность, брови сошлись в глубоком раздумье, прорезав высокий лоб двумя резкими складками. Он был похож на хищную птицу, замершую в высоте перед решающим броском.

Тишину нарушало лишь потрескивание поленьев в камине да лёгкий, почти призрачный шелест переворачиваемых страниц. Он изучал свежие донесения, и с каждым новым листком в воздухе сгущалась тревога. Письма, доставленные по разным, тщательно продуманным каналам, принесли безрадостные вести. Его соглядатаи, невидимые нити которых опутали все соседние земли, никогда не ввали. Их молчаливая, беспристрастная правда была порой страшнее отчаянных криков с поля боя.

Войска Клима Косого, этого негибачего и жестокого повстанца, которого безуспешно пытались уничтожить при двух предыдущих королях, совершили немыслимое. Они стремительно пересекли казавшиеся неприступными горные кручи и теперь были замечены в опасной близости от ключевого морского порта Эхорта. А это было плохо. Очень плохо.

Георг развернул на столе большую карту королевства, испещрённую пометками, известными лишь ему одному. Тонкая паутина дорог, горных троп и речных путей была усеяна алыми метками, похожими на кровоточащие раны на теле родной земли. Его длинный палец медленно проследовал от горной цепи к извилистой береговой линии. Логика подсказывала одно: море в это время года беспокойно, свирепые осенние штормы должны были стать их союзником. Они могли задержать флотилию Клима, собранную из утлых посудин, в порту недель на пять, а то и больше. Другого быстрого пути до восточных гарнизонов Эхорта не было.

Но что, если стихия, эта слепая и непредсказуемая сила, решит подыграть мятежнику? Если штормы утихнут раньше срока или обойдут стороной? Тогда через три недели, от силы месяц, Эхорт будет в кольце осады. Три недели. Ничтожный миг в истории государства, но решающий для его судьбы. Вся надежда, вся тонкая, как паутинка, стратегия Георга сейчас висела на одном-единственном человеке – на графе Таре Вальдесе, который в этот самый момент находился в подаренном ему доме на окраине города и ждал последних распоряжений перед трудной дорогой.

Мысль о Вальдесе заставила Георга на мгновение оторваться от карты. Он мысленно представил себе графа – не того измождённого узника, которого он извлёк из Хирм-Доарна, а того, каким он должен стать после нескольких дней отдыха и сытной пищи. Силы тому были нужны, и немалые. Предстоящий путь был не просто опасен – он был подобен хождению по лезвию бритвы над пропастью. Один неверный шаг, одно случайно оброненное слово – и война станет неизбежной.

Георг откинулся от стола и провёл рукой по лицу, смахнув невидимую пелену усталости. Это было редкое, почти интимное движение, которое он никогда не позволял себе на людях.

Взгляд, скользя по столу, на мгновение задержался на небольшом, миниатюрном портрете в простой деревянной раме. На нём был изображён не нынешний король Амир, а юный принц – мальчик с доверчивыми, широко раскрытыми глазами и мягким, ещё не очерстевшим от власти подбородком. Это был тот самый Амир, который когда-то, отчаявшись, оставлял записки «Призраку» между корешков старых книг.

Георг потянулся к портрету и смахнул с него невидимую пылинку, а его собственные, всегда жёсткие и собранные черты на миг смягчились, уступив место чему-то глубоко спрятанному, почти отеческому. Он дал клятву защищать не столько короля, сколько этого мальчика, чья вера когда-то спасла его, Георга, от полного превращения в бездушный инструмент власти. И Вальдес был частью этой клятвы.

Но мгновение слабости прошло. Он резко выпрямился, и его спина вновь стала прямой, как клинок. Жестокость мира не прощала сантиментов. «Милосердие к сильным мира сего – жестокость к слабым», – пронеслось в голове его же собственное, выстраданное в архивах изречение. Холодная, почти ледяная целеустремлённость вновь застыла в его глазах, вытеснив мимолётную человечность.

Советник опустил в кресло, сдвинутое в самый угол, откуда он мог видеть всю комнату и единственную дверь. Он положил подбородок на сцепленные пальцы, и его взгляд, тяжёлый и проницательный, уставился в потолок, где причудливые тени от пляшущего в камине огня разыгрывали немой спектакль о войнах, интригах и падении династий.

Откуда ждать следующего удара? Этот вопрос не давал ему покоя.

Восстания внутри страны... Их на какое-то время удалось подавить. Народ Эхорта бережёт свои обычаи и порядки сильнее, чем пшеницу на полях. Смерть короля – серьёзная утрата, пусть даже король был деспотом и тираном. Все знают, что народ не выживет без воли единого монарха. Пусть тирана, пусть изувера, но своего, а не пришедшего неведомо откуда и силой захватившего власть. Так что траур по кончине правителя люди приняли как должное, необходимое и чтить память Эльзимера будут смиренно до конца срока, а значит, на месяц о народных волнениях можно забыть. Эта покорность, готовность принять любого правителя, лишь бы он был «законным», вызвала в Георге едкую горечь. Она позволяла тиранам десятилетиями разорять страну, зная, что народ будет роптать, но не поднимется против «помазанника».

Однако Георг не привык, когда всё слишком ясно. В его опыте, выкованном в пыльных архивах и в теневых коридорах власти, самая страшная опасность всегда подкрадывалась с самой тихой, самой тёмной стороны. Пока всё внимание и все ресурсы будут прикованы к внешнему врагу, к Климу Косому, ядовитая змея придворной интриги может ужалить в спину.

Георг некоторое время сидел в полной неподвижности, его лицо, освещённое дрожащим светом единственной свечи на столе, казалось высеченным из отполированного гранита. Затем, с характерной для него точностью движений, он взял чистый лист бумаги, обмакнул перо в массивную чернильницу из оникса и начал писать. Адресовано письмо было не напрямую Вальдесу, а его верной служанке Жоанне, женщине, чья преданность была проверена годами и не вызвала сомнений. Именно через неё следовало передать последние указания. Письмо должно было выглядеть как сугубо бытовое, хозяйственное распоряжение, которое не вызовет ни малейшего подозрения, будь оно перехвачено любым любопытным глазом.

«Нашему гостю, должно быть, наскучило ждать. Пусть он не беспокоится – его путешествие начнётся с закатом солнца. К тому времени всё будет готово. Передайте ему, что родственник из приграничья проявляет беспокойство о семейном серебре. Цена, которую мы обсуждали, остаётся в силе, но напомните, что время дороже денег, а здоровье важнее прибили. Пусть не медлит с ответом.

С уважением, Г.М.»

Каждое слово, каждая фраза были тщательно выверены и несли скрытый смысл, понятный лишь адресату. «Гость» – граф Тар Вальдес. «Путешествие начнётся с закатом солнца» –

точное время отправления. «Родственник из приграничья» – Клим Косой. «Семейное серебро» – суверенитет и богатства Эхорта. «Цена, которую мы обсуждали» – условия военного союза, которые Вальдес должен был предложить соседним королевствам. «Время дороже денег» – жёсткий намёк на сжатые сроки. «Здоровье важнее прибыли» – предупреждение быть предельно осторожным, беречь себя.

Перо замерло на миг. Перед его внутренним взором встало другое лицо – измождённое, бледное, с запавшими глазами, но ещё полное скрытой силы лицо Тара Вальдеса в мрачной камере Хирм-Доарна. Десять лет заточения. Десять лет, украденных у жизни по прихоти тирана. И сейчас он посылал этого человека, едва оправившегося от десятилетия в каменном мешке, в новую мясорубку.

Георг сжал перо чуть сильнее, и его челюсть напряглась. Затем он дописал ещё одну строку, на первый взгляд – сущую безделицу, заботу экономной хозяйки: *«И проследите, чтобы он захватил с собой тот тёплый плащ – ночи сейчас холодные, а дорога дальняя»*. Это и была та самая, тщательно скрываемая и глубоко запрятанная человечность, которую он позволял себе лишь в таких вот зашифрованных посланиях. Забота о спутнике, которого он сам же и посылал навстречу смертельной опасности.

Он отложил перо, аккуратно посыпал текст мелким песком из песочницы, дал чернилам впитаться и высохнуть, затем стряхнул песок обратно. Конверт он не стал скреплять сургучной печатью – лишняя таинственность лишь привлекла бы ненужное внимание. Простое, ничем не примечательное письмо служанке.

Затем он поднялся, накинул на плечи длинный, тёмный, без каких-либо опознавательных знаков плащ и натянул капюшон на голову, полностью скрыв лицо в его глубине. Выйдя из кабинета, он не пошёл по главным коридорам, а скользнул в узкий, известный лишь ему и нескольким доверенным слугам проход за одним из стеллажей, который вёл в потайную дверь, выходящую в глухой переулок позади дворца. Он растворился в вечерних сумерках, бесшумная тень среди сгущающихся красок ночи.

В ближайшем переулке, где уже вовсю неслись запахи с кухонь простолюдинов и слышался звонкий смех ребятни, он заметил мальчишку лет десяти, гонявшего по земле пустую бочку из-под селёдки. Ребёнок был худой, подвижный, с взъерошенными волосами и живыми, сметливыми глазами.

Георг бесшумно подошёл к нему. Из складок плаща появилась его рука в простой кожаной перчатке, а на ладони блеснул серебряный кругляш – не королевская монета, а одна из тех, что были в ходу у мелких торговцев.

— Сбегаешь по одному важному делу? — голос из-под капюшона был ровным, без эмоций, но не угрожающим.

Взгляд ребёнка вспыхнул алчностью и интересом, но тут же в нём мелькнула и естественная для улицы опаска. Он недоверчиво посмотрел в темноту капюшона, потом на монету.

— Если украсть чё надо, так мамка не велит, — бойко выпалил мальчик, сжимая в руке палку, которой только что гонял бочку.

— Ничего красть не нужно, — тот же спокойный тон. — Отнесёшь письмо по адресу и отдашь лично в руки женщине по имени Жоанна. Только ей, понял? В руки. И всё.

— И всё? — переспросил мальчишка, явно ожидавший чего-то более опасного и захватывающего.

— Одна монета — одно поручение, — заверил незнакомец.

Мальчик ещё мгновение постоял в нерешительности, взвешивая риск и выгоду. Потом вдруг кивнул, и его пальцы быстрым движением сгребли серебряник.

— А вот ещё одна, — на ладони засверкал второй, такой же кругляш. Мальчик аж подпрыгнул от внезапной удачи. — Она за молчание. За то, чтобы никто и никогда не узнал об

этом. Никто. Забудь меня, забудь, где мы встретились, забудь этот разговор. Ты просто нашёл монеты на мостовой. Понял?

Ребёнок, не раздумывая, схватил вторую монету, сжал обе в кулаке вместе с конвертом и пустился бежать по переулку с такой скоростью, словно за ним гналась сама чума.

Георг проводил его бесстрастным взглядом. На его сокрытом капюшоном лице не было ни жалости, ни жестокости. Лишь холодная констатация факта: он только что купил молчание этого ребёнка. Купил его невинность, ввергнув в водоворот взрослых игр.

Советник развернулся и так же бесшумно, как и появился, скользнул в темноту, возвращаясь в свою крепость тем же тайным путём.

Вернувшись в кабинет, он скинул плащ, повесил его на вешалку и снова опустился в кресло перед картой. Письмо было отправлено. Последний приказ передан. Теперь всё зависело от Вальдеса, его хитрости, его выдержки и, чего уж греха таить, удачи. Теперь следовало думать о следующем. О безопасности короля. О тех, кто эту безопасность мог нарушить здесь, внутри дворца, пока все взгляды будут обращены на внешние рубежи.

Пальцы советника снова потянулись к перу. Он взял ещё один чистый лист и начал составлять новый список. На этот раз – список мер предосторожности. Усиление личной охраны Амира под благовидным предлогом. Смена расписания его выходов. Контроль за поставками продуктов во дворец. И второй, негласный список – список людей, за которыми следовало установить незримый, но неусыпный дозор. И первым в этом списке, под номером один, с короткой, убийственной характеристикой «Амбиции. Глупость. Опасна», стояло имя герцогини Мийлемской. Георг не любил слово «чутьё». Но здесь оно было единственным, что работало. Он видел её слишком долго, чтобы ошибиться.

Её амбиции были так же очевидны, как и её глупость, проистекавшая из слепой веры в своё врождённое превосходство. Но Георг знал, что даже глупые амбиции, подкреплённые знатным родством, огромными деньгами и отчаянием старой, больной женщины, могли породить непредсказуемый и разрушительный хаос. А хаос, эта слепая и всепоглощающая сила, был единственной роскошью, которую Эхорт, балансирующий на грани войны и краха, позволить себе сейчас не мог.

Георг откинулся на спинку кресла, и его грудь медленно поднялась в глубоком, беззвучном вздохе. Но в этом вздохе не было и тени усталости или сомнения. В нем была лишь спокойная, леденящая готовность. Готовность стать тем самым скальпелем в руках хирурга – болезненным, неумолимым, но абсолютно необходимым. Буря приближалась, и он должен был встретить её, не дрогнув.

Глава 7

Тар доедал гуся, когда в дом ворвался запыхавшийся мальчишка. Просто одетый, с всклокоченными волосами, торчащими в разные стороны, тяжело дыша после бега он выпалил служанке, что ищет Жоанну. Та протянула руку. Мальчонка, не глядя, сунул ей чуть помятый конверт и, торопливо пояснив, что письмо велел передать «незнакомый длинный дядя в чёрном плаще», пулей выскочил обратно на улицу. Тар понял, о каком «дяде» шла речь, без лишних объяснений. Жоанна, не задавая вопросов, молча протянула конверт графу, как только мальчик скрылся из виду.

Вальдес отложил остатки трапезы, вытер руки о грубую льняную салфетку и, подобравшись ближе к окну, где свет падал лучше, вскрыл послание. Письмо Моора было кратким и лаконичным. Вальдес перечитал его дважды. В приписке Георг убедительно просил «предать сие и последующие послания огню». Тар не видел причин возражать.

Когда черная вуаль ночи накрыла Эхорт, к дому прикатила неброская, но крепкая крытая коляска. Его величество позаботился о своём поверенном на славу: тёплая одежда, туго набитый кошель и выносливые кони. Всё было готово к долгой и опасной дороге.

Предзимний холод жёг щеки, пробираясь под одежду. Тар привык к сырому, зябкому холоду каменного мешка, но этот холод был иным — живым, бодрящим, пахнущим свободой. Внутри коляски, однако, было тепло; горячие угли в железном коробе, подложенном под сиденье, исправно отдавали жар. Их тепла должно было хватить на несколько часов пути, а там — можно будет остановиться в какой-нибудь придорожной гостинице.

Кучер, представившийся Гортом оказался мужиком простым и болтливым. Вальдес списал это на заботу короля — мол, десять лет граф скучал по живому общению, надо бы компенсировать. Сидя на облучке, возница грудным, словно у попа, голосом громогласно вещал о своей жизни. Поначалу графу это даже нравилось — под такой говор в холодную ночь не уснёшь. Но вскоре бесконечный монолог начал раздражать. Тар начал догадываться, что компания Горта — не забота короля, а тонкий расчёт того же Георга, желавшего избавиться от чересчур болтливого, но преданного слуги. Графу удалось абстрагироваться от болтовни Горта и задремать. Кажется ему приснился сон:

«Она стояла на балконе его родового поместья, залитая лунным светом. «Представь, Тар... У нас будет свой дом. Вдали от дворцовых интриг. Я буду выращивать розы, а ты — учить наших сыновей фехтовать». Он обнял её, чувствуя, как бьётся её сердце. «Обещаю, мы будем счастливы», — шептал он, целуя её волосы.

Вечер пах жасмином и надеждой...»

— Вообще, знаете, милостивый граф, — басистый голос кучера буквально вырвал Тара из дрёмы. — Ночью-то оно, конечно, удобнее. Дороги пусты, никто не мешает. Только зябко, до костей пробирает, да в сон клонит нестерпимо. А вон, видите, огоньки впереди? Скоро деревенька будет. Можем остановиться, заночевать. Вы, небось, не привыкли в дороге почивать, да ещё в этакую стужу?

Тар не сразу услышал вопроса, подсознательно продолжая цепляться за обрывки сновидения, подброшенного памятью. Сердце в груди болезненно защемило.

— В дороге — не привык, — отозвался наконец Вальдес, смотря в темноту на тусклые огни вдали. — Хотя спать приходилось в разной обстановке, — задумался на мгновение, окончательно отгоняя от себя наваждение. — Мимо деревни проезжай. Отдохнём днём, а с вечера — снова в путь.

— Станный Вы, господин граф, — прокряхтел Горт, с недоумением покачивая головой. — Благородные господа, они по ночам либо в тёплых постелях, либо у короля на балах отплясывают. А вы — совсем иное дело. При свете дня-то ведь куда теплее.

— Нам нужна незаметность, — сухо пояснил Тар. — Тепло или нет — вопрос второстепенный. Скажи, тебе что-нибудь говорили, когда отправляли со мной?

— «Не дрова везёшь», — буркнул Горт. — Приказано — исполняю. Добраться до переправы, продать повозку с парой коней, остальных двух оставить. Графу служить преданно и исполнять всё, что прикажет.

Вальдес едва заметно улыбнулся. Узнавался слог Георга — чёткий, не терпящий возражений.

— А почему именно тебя отправили?

— А кого же ещё? — усмехнулся Горт. — Человек я надёжный. Могу и в рыло вдарить. А что болтаю много... ну, не бывает в человеке одних достоинств.

«И кто же это "знает", — мелькнуло у Тара, — если власть только вчера переменялась?» Впрочем, простолюдинам всё равно — кто король, тому и служат. Горт, несомненно, был из таких.

Тар слушал болтовню Горта и невольно ловил себя на мысли: этот человек готов умереть за Моора. Не за короля. За Моора. И Моор, кажется, это знает и принимает как должное.

— Скажи, Горт, кем ты служишь при короле?

— Ага, заметили, что я не шибко на возничего похож? — обрадовался кучер. — Возницей я не был. Всю жизнь кузнецом в селе на окраине трудился. Дело это мне по душе было. А уж какое оружие я ковал — загляденье! Сижу я как-то в кузнице, любуюсь работой, и заходит ко мне господин Моор. Что он — господин Моор — я потом узнал. А тогда вижу — господин одет богато, статен, высокий. Думал, коня подковать. А конь у господина Моора — загляденье, во всём Эхорте не сыскать. А он рукой махнул и говорит: «Хочешь у меня служить?» — Горт перешёл на доверительный шёпот. — «Буду хорошо платить. Сытым будешь, одетым, в городе жить станешь». Я было заикнулся — мол, семья, не могу бросить. А он снова отмахнулся: «Всё про тебя знаю. И семью заберёшь, если согласишься». Я подумал — и согласился. Два года в городе прожил, кузнечным делом промышлял. А потом — раз! — стал мой хозяин первым королевским советником, меня к себе призвал. Вот я и здесь. Теперь я у господина Моора на первых ролях!

Грудь бывшего кузнеца горделиво выпятилась.

— Значит, твой хозяин — Георг Моор, — констатировал Тар.

— Служить господину Моору — значит служить королю, — с важностью изрёк Горт.

«Ну, разумеется, — мысленно усмехнулся Вальдес. — Всё во благо короны и государства. Этим Георг и прикрывается».

Иного ответа он и не ожидал. Моор был из тех, кто, действуя сегодня, уже завтра пожинает плоды. Значит, ещё годы назад он начал создавать свою сеть, вербуя сильных, преданных людей, готовых слепо повиноваться, словно марионетки в руках кукловода. Собирал себе, по сути, свиту, твёрдо зная, кем станет и что будет делать. Дальновидность и расчёт — качества для политика незаменимые. *Граф не знал, что Моор не готовил сеть для власти. Он просто искал людей, которым мог доверять, потому что не умел иначе.*

Ещё Тар с удивлением поймал себя на том, что первоначальные настороженность и недоверие к королевскому советнику понемногу сменяются своеобразным уважением. Пока в действиях Георга он не видел ничего предосудительного. В конце концов, как выяснилось, именно Моору он обязан и свободой, и... этой самой «ссылкой». Хотя ссылка ли это? Формально ему предоставили выбор, но на деле ситуация сложилась так, что отказаться он просто не мог. И всё же — это не была ссылка. Он ехал по своей воле, готовый исполнить поручение. Ссылкой бы стало, найди он в себе силы отказаться, — тогда пришлось бы покинуть королевство в поисках покоя. Но он выбрал иное, а значит, о покое на ближайшее время можно было забыть.

— Поедем по той дороге, — раздался голос Горта, вырывая Тара из размышлений. — Проедем через деревню, ах, как там кормят, господин граф! А по сторонней — через лес, минуя всякие селения.

Тар, задумавшись, и не заметил, как Горт остановил повозку на развилке и теперь смотрел на него преданным, вопрошающим взглядом, ожидая указаний. Вопрос был задан повторно, кучер явно намекал что в ночной лес ехать ему не хочется. Да, ехать через лес в ночной тьме было не то, чтобы безрассудно, но опасно. Пусть в королевстве и объявлен траур, всегда найдутся отчаянные головы, кого голод заставит выйти на большую дорогу. Не то чтобы разбойники поджидали в каждой чаще — вопреки расхожему мнению, они редко торчат в осеннем лесу в надежде, что какой-нибудь богатый чужак вздумает прогуляться ночью. Но такое случалось. Особенно тогда, когда этого меньше всего ждёшь.

Тар размышлял недолго. Перспектива быть ограбленным и раздетыми в ночном осеннем лесу его не прельщала.

— Ладно, — решил он. — Вези в деревню. И правда, надо бы где-то согреться.

— А как же незаметность? — почти шёпотом напомнил Горт.

Тар на мгновение задумался.

— Ты ведь бывал в том месте, раз хвалишь кормёжку?

— Приходилось, — с довольным видом протянул кучер.

— Знаешь там уголок потише, подальше от чужих глаз?

Горт закивал так энергично, будто только и ждал этого вопроса.

— Есть такое.

— Тогда вези, — разрешил Вальдес.

Обрадованный Горт с такой силой хлестнул лошадей, что те, фыркая, рванули по нужной дороге, не требуя более никаких понуканий.

Коляска с скрипом замерла перед невзрачным домом, над входом в который болталась криво прибитая вывеска «Токующий тетерев». Даже в скупом свете ночи было видно, что доску раскрасили отчаянно и безвкусно — ядовитые цвета сливались в не читаемое пятно. Всё вокруг было непривычно тихо. Холодный осенний воздух застыл, позволяя уху улавливать малейший шорох — скрип флюгера где-то вдаль, далёкий лай собаки. Горт учтиво попросил графа остаться в коляске, а сам, расправив плечи, отправился на разведку, движением выдавая в себе бывалого человека. Спустя несколько минут он вернулся, и по его довольной физиономии было ясно — дело улажено. Рядом семенил долговязый парнишка, сонно потирая глаза. Горт что-то негромко проговорил ему, тот кивнул и принялся за коней и повозку, а бывший кузнец жестом пригласил Вальдеса следовать за собой.

Внутри гостиницы было тесно, накурено и шумно. Воздух — густой, спёртый, пахший дешёвым табаком, перегаром и чем-то кислым. В тусклом свете сальных ламп кучковались за столами несколько компаний. Лица — обветренные, недобрые. То ли разбойники, то ли просто подвыпившие местные, Тар не стал вглядываться. Дым щипал глаза, вызывая раздражение. Горт, не обращая ни на кого внимания, уверенно повёл его к узкой, скрипучей лестнице на второй этаж.

Наверху дышать стало чуть легче. Длинный тёмный коридор, по бокам — пять одинаковых некрашенных дверей. Горт направился к самой дальней, отворил её с таким видом, будто входит в собственную спальню, и толкнув Вальдеса внутрь, щёлкнул замком.

Комната оказалась более чем скромной: голые бревенчатые стены, закопчённые потолочные балки, маленькое оконце, наглухо законопаченное на зиму паклей. У стены стояла простая деревянная кровать с тощим тюфяком, а посреди комнаты — грубый стол с двумя такими же грубыми табуретами.

— Не роскошь, милостивый граф, — развёл руками Горт, — но переночевать можно. Зато уж точно никто не подумает, что здесь знатная особа изволит отдыхать. Одежда-то Ваша...

— он кивнул на плащ Вальдеса, — такие плащи бывшие военные носят. А с них, известно, взятки гладки. Все знают, что от покойного короля им мало что перепало. Видели, как внизу те мордатые рожи на нас пялились? Оценивали значит.

— Не видел, — отозвался Тар, снимая плащ. — Слишком уж дымно там.

— Не привыкли Вы к бедным харчевням, милостивый граф, — констатировал Горт. — И не привыкайте, оно Вам ни к чему. Отдыхайте пока, еду Арма нам сюда принесёт.

Вальдес бросил взгляд на единственную кровать, затем на Горта, вопросительно приподняв бровь.

— Чего Вы, господин граф? — удивился тот. — Перин нет, сами же просили — чтобы поскромнее, понезаметнее. А тут народ простой останавливается, каждую ночь.

— Да не в перинах дело, Горт. Где сам-то спать будешь?

Кучер лишь отмахнулся своей могучей, как окорок, ручищей. *«Получишь такой по челю, — мелькнуло у Тара, — и вставать уже не придётся»*. Но простодушное, чуть смущённое выражение на лице Горта тут же развеяло эти мысли.

— Что нам, простолюдинам... Где завалимся, там и почиваем. Я на плаще у двери прикорну, — пояснил он. — Чтобы никто внезапно не нагрязнул.

Вальдес решил не спорить. Мысль о том, что дверь будет подпирать эта богатырская спина, действовала на удивление умиротворяюще.

Еду принесли довольно быстро. По уверению Горта, это было самое лучшее, что в «Тетереве» водилось. На подносе красовались запечённая форель с тыквенно-желудёвыми драниками, ломти баранины, щедро усыпанные жареным луком, тёмный желудёвый хлеб, порция густой ячменной похлёбки и высокий глиняный кувшин с вином. Если не считать вина, пахнувшего чем-то кисло-болотным, еда оказалась вполне съедобной. Горт же уплетал всё за обе щеки, нахваливая и деревушку, и харчевню, не забыв упомянуть, что бывает здесь частенько «по милости господина Моора». Выпивая, он разошёлся не на шутку и принялся живописать прелести Армы, вдовы покойного хозяина, которая и принесла им ужин. Вальдес не мог не заметить того красноречивого взгляда, которым они обменялись с Гортом, и того подмигивания, что тот ей направил, когда женщина выходила из комнаты.

— Часто, выходит, тут бываешь? — спросил Тар, отодвигая кувшин с вином. — И что, супруга твоя не в претензии?

— Да когда ей серчать-то? — захохотал Горт, вытирая рукавом бороду, забрызгannую вином. — У нас восьмеро сорванцов да три дочки, да скотины полный двор. Че я у неё под ногами путаться буду? А за мои отлучки господин Моор исправно платит, дело-то государственное. А у Вас, господин граф, семья имеется? — уставился на Вальдеса его простодушный, подёрнутый хмельной дымкой взгляд.

— Нету у меня никого, Горт, — тихо ответил Тар, глядя на пламя свечи.

— Как так нету? — искренне изумился мужчина. — Так и нету?

— Нет, — подтвердил Вальдес.

— Не порядок, — внезапно стукнул кулаком по столу кучер, так что посуда подпрыгнула и зазвенела. — Надо исправлять!

— Согласен, — кивнул граф, отодвигаясь от лужицы пролитого вина. — Но давай утром этот вопрос решим. А сейчас и вздремнуть не мешало бы.

— На том свете отоспитесь, господин граф! — громко загоготал бывший кузнец. — Щас я к Арме сбегая, её сестрицу кликну. Красивая баба, глаз не отвести! — Он даже приложил руку к груди, давая понять, что говорит сухую правду. — Я щас...

Он поднялся со стула, качнулся, но удержался на ногах.

— Никуда ты не пойдёшь! — уже строго сказал Вальдес. — Ишь, чего удумал!

— Ну как же... — развёл руками Горт. — Не порядок же...

— Порядок, — твёрдо заявил Тар.

— Э, нет! — возопил бывший кузнец, подняв сальный от еды палец. — Я щас... — Он схватил кувшин с тем самым скверным вином, налил полный стакан и опрокинул его в себя одним махом. С грохотом поставил стакан на стол, развернулся к двери... и тут что-то в его могучем организме надломилось. Сделав пару шатких шагов, он успел лишь приоткрыть дверь, как ноги подкосились, и он с глухим стуком рухнул на порог, заблокировав вход своей тушей. Вальдес подошёл, наклонился. Дышит ровно, храпит.

«Что ж, пусть спит, — решил Тар. — От греха подальше». Скинув сапоги и задув свечи, он лёг на жёсткую кровать.

На втором этаже воцарилась тишина, лишь изредка доносился приглушённый гул голосов снизу. И всё бы ничего, если бы вскоре Тара не поднял с постели звук, похожий на агонию раненого медведя. Он вздрогнул, сел на кровати, не сразу сообразив, что происходит. Звук повторился — мощный, раскатистый храп, вырывавшийся из груди Горта, распластавшегося в дверном проёме. Было ясно, что растолкать его не получится. Со вздохом Вальдес лёг навзничь, накрыл голову плащом и подушкой, пытаясь заглушить какофонию. Уснуть удалось не сразу, но усталость и остатки хмеля взяли своё. Сон пришёл тревожный, беспокойный: ему снились окровавленные пики, лязг железа, холодные стены Хирм-Доарна и бледное, испещрённое оспинами лицо Эльзимера. Ему снилось, что вся его недолгая свобода — лишь бред умалишённого, и вот он уже стоит на эшафоте, а бесстрастный голос из ниоткуда зачитывает ему смертный приговор. Потом и эти видения распались, сменившись чувством падения в чёрную, бездонную пустоту. Сердце замерло в груди, готовое разорваться от ужаса. И вдруг чьи-то крепкие, огромные ручки встряхнули его, и тьма рассеялась.

Он проснулся, будто вынырнув из ледяной воды, и увидел склонившееся над ним бородастое лицо Горта.

— Вы так ворочались, господин граф, — виновато произнёс тот, — я уж испугался, не приключилось ли с Вами чего. Нам бы в дорогу собираться.

Вальдес тяжело поднялся, чувствуя себя так, будто его всю ночь кидали, мяли а, то и заставляли носить по лестнице мешки с камнями. Голова была тяжёлой, во рту стоял противный привкус.

— Что за дрянь мы вчера пили? — спросил он, с трудом открывая глаза. — Ни вино, ни брага... Голова раскалывается.

— Здесь другого и не водится, господин граф, — укоризненно покачал головой Горт. — Да Вы ж его почти и не пили. Это, поди, с непривычки. Или приболели?

— Здоров я, — буркнул Тар. Глядя на свежее, отдохнувшее лицо кучера, трудно было поверить, что этот детина накануне отключился у двери. Лишь лёгкий шлейф перегара выдавал вчерашнее возлияние.

— Собирайтесь, господин граф, внизу Арма завтрак давно подала. Без Вас я есть не стал. Кроме нас, в доме никого нет, народ подтянется только к вечеру. Так что не тревожьтесь.

— Завтрак — дело хорошее, — сказал Тар, спуская ноги с кровати. — Но в дорогу нам рановато. Тронемся с вечерними сумерками.

— Понял, господин граф, — кивнул Горт.

— Арме твоей надо заплатить щедро, за хлеб-соль.

Горт привычно, почти рефлекторно, отмахнулся.

— Всё уже уложено.

— Из своего кармана, я полагаю? — строго спросил Вальдес.

— Ну... из своего, да не совсем из своего, — честно признался Горт, потупив взгляд.

— Так, значит, из кармана королевского советника, — заключил Тар.

— Кто платит, тот и заказывает, как говорится, — развёл руками бывший кузнец, и было странно видеть, как этот здоровенный мужчина краснеет и смотрит в пол, словно провинившийся мальчишка.

Тар обулся, прошёлся по комнате, разминая затёкшие мышцы. В голове стоял туман, но мужчина надеялся, что к полудню тот рассеется. Плеснув на лицо ледяной воды из принесённого кем-то кувшина, Тар провёл рукой по волосам и вместе со своим новым «другом» — а после вчерашнего их, пожалуй, можно было считать друзьями, — спустился вниз.

Увидев их, Арма, стоявшая за стойкой, бросила Горту быстрый, кокетливый взгляд и скрылась на кухне. Завтрак, надо отдать ей должное, оказался втрое лучше вчерашнего ужина. Что ей нашептал этот громила — неизвестно, но щедрость и качество блюд говорили сами за себя. После трапезы Горт ненадолго удалился, и Вальдес воспользовался моментом, чтобы написать краткое донесение Георгу Моору. Ничего существенного — лишь сухие строки о том, что путь начат и пока всё идёт по плану. Вернувшийся кучер с готовностью вызвался отправить письмо и вскоре явился обратно, сияя улыбкой и доложив, что всё улажено.

С наступлением вечерних сумерек, как и договаривались, путники вновь тронулись в путь.

Вечер был тих и морозен, как и предыдущий, ощущение вот-вот готового сорваться снега стало еще явнее, и затягивающие небеса серые тучи подтверждали это. Интересно, думал Тар, растворившись мыслями в облачной дали, как многослоен и неодинаков мир. Едва ветер касается голых макушек леса, а сюда, к земле и вовсе отказывается опуститься, в то время как там, в вышине бушуют потоки, погоняющие серые подушки облаков в далёкие дали. *Прямо как люди.*

Он слишком хорошо знал, как один человек может быть нежным с одними и жестоким с другими. Двор Долгета научил его читать в чужих душах лучше любой книги. Лесть, скрывающая нож. Дружба, оборачивающаяся предательством. Каждое лицо — лишь маска, а под ней — десятки других.

Он мог думать об этом часами, привычка, появившаяся в заточении, и теперь приевшаяся навсегда. Но на этот раз ему помешали.

Внезапно коляска резко дёрнулась и замерла. Голос Горта оборвался на полуслове. Тар мгновенно подобрался, все его чувства обострились до предела. Он увидел, как могучие плечи возницы напряглись, а рука потянулась за пазуху.

— Ну-ну, — проворчал Горт, доставая длинный охотничий нож. — Нашли дураков.

Из мгливой темноты леса, словно тени, возникли пять приземистых фигур. Они стояли молча, перекрывая дорогу. Тот, что посередине, с мерзкой усмешкой на лице, сделал шаг вперед. При свете фонаря Тар разглядел шрам, пересекавший всё лицо белой ломаной полосой.

— Кто такие? — ехидно выдавил шрам, его голос скрипел, как ржавые петли. — Куда путь держите, господа удалые?

Горт молчал, сжимая рукоять ножа. Слуга при господине говорить не должен.

— А ты кто таков будешь? — спокойно спросил Тар. Его голос прозвучал обманчиво расслабленно, но всё тело бывшего фехтовальщика уже оценивало дистанцию, стойки противников, их вооружение.

— Кусаются, — констатировал разбойник. — А не видно разве?

— Вижу пятерых мужчин с оружием, — голос Вальдеса оставался ровным, но в нём появилась сталь. — Ушли бы с дороги. Пока живы.

— Понятно, — хмыкнул шрам. Он неопределённо махнул рукой.

В следующее мгновение четыре тени бросились на них.

Тар действовал на опережение, ещё не выходя из коляски. Рука метнула в лицо ближайшему разбойнику тяжёлые ножны. Тот вскрикнул, закрываясь руками, — и этого мгновения хватило Вальдесу, чтобы выскочить наружу. Но годы заточения дали о себе знать: резкий выпад, отточенный тысячами тренировок, вышел скованным, тело откликалось с мучительной медлительностью. Противник с дубиной успел отпрянуть, и удар, предназначенный для горла, пришёлся по плечу. Знакомая боль старого ранения пронзила тело, но Тар проигнорировал её, стиснув зубы.

Второй, с топором, воспользовался его замешательством. Тар едва успел отскочить, острый топора со свистом рассекло воздух и прорвало рукав плаща. Дыхание спёрлось, в глазах поплыли темные пятна. Используя инерцию противника, Вальдес все же сумел захватить руку с топором, резко повернуть — кость хрустнула с мерзким влажным звуком — и, подсадив на бедро, перебросил тело через себя. Разбойник рухнул под ноги третьему нападавшему. Но цена оказалась высокой — что-то хрустнуло и жгуче заныло за грудиной. *Ох, не стоило так запускать себя в каменном мешке...*

Тем временем Горт ревел, словно раненый вепрь. Его нож сверкал в лунном свете, описывая смертоносные дуги. Один из разбойников упал, хрипя и хватаясь за перерезанное горло. Но из чащи, словно чёрные призраки, выплеснулась подмога. Их было ещё человек пять — голодные, злые, пахнущие дешёвым самогоном и потом.

— Сзади! — сипло крикнул Горт, отбиваясь сразу от двух нападающих.

Тар развернулся, парируя удар тесака своим коротким клинком. Сталь звякнула, высекая скудные искры. В тот же миг чей-то кулак со свинчаткой врезался ему в ребра. Воздух вырвался из лёгких с хрипом. Он споткнулся, пытаясь удержать равновесие. Ещё один удар — по спине, наотмашь, — и он рухнул на колени. Сквозь набегающий туман в глазах он увидел, как нож Горты продолжает сверкать в ночи, как падает ещё один, второй нападающий... Но их было слишком много. Слишком много для старого узника и одного кузнеца.

Внезапно из тьмы на голову Тара обрушилась тяжёлая дубина. Мир взорвался ослепительной вспышкой, и последнее, что он услышал, — приглушенный, обрывающийся крик Горты. И графа поглотила беспросветная, всепоглощающая тьма.

Сознание вернулось к нему уколами тысячи ледяных игл. Тело гудело, голова раскалывалась, наполненная свинцовой тяжестью. Он висел вниз головой, как туша на промёрзлой колоде. Качался на верёвке, привязанный за лодыжки к толстой ветке сосны. Сквозь мутную пелену перед глазами видел собственные босые, посиневшие ноги, изодранные штаны и клочья рубахи, мокрые от растаявшего снега. Кругом, не спеша, словно издеваясь, кружились и оседали на землю редкие снежинки. Стиснув зубы, Тар начал шевелиться. Руки, связанные за спиной, онемели, но узлы не были сложными — видно, торопились. Разбойники явно не ожидали, что он очнётся так скоро.

Собрав волю в кулак, он сумел высвободить одну кисть, потом другую. Освобождённые руки пронзила мучительная боль, плечи горели огнём.

Собрав последние силы, Вальдес подтянулся к связанным лодыжкам. Пальцы задеревенели намертво, отказывались слушаться. Снова и снова он пытался развязать тугие петли, дыхание сбивалось, в глазах темнело. Наконец, верёвка поддалась, и он тяжело, как мешок с камнями, рухнул вниз. Удар о землю отозвался во всем теле. Тар лежал ничком на холодном, припорошенном снегом ковре из хвои и прошлогодней листвы, не в силах пошевелиться. Боль была единственным, что связывало его с реальностью, якорем, не дававшим уплыть в беспамятство. Запах влажной земли, гниющих листьев и собственной крови пьянил и тошнил одновременно.

Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем он смог перевернуться на спину и с трудом подняться на ноги. Мир поплыл, закружился в вихре. Мужчина оперся о шершавый ствол сосны, стараясь не упасть, и беспомощно огляделся.

Кругом — глухой, тёмный лес. Ни коляски, ни Горты, ни разбойников.

«Горт... — хрипло прошептал Тар. — Горт!»

Лес ответил ему гнетущей тишиной. Вспомнив, как яростно сражался бывший кузнец, Тар с горечью подумал, что того, скорее всего, прикончили на месте. Убирать свидетеля — первое дело для таких господ.

Граф был бос, раздет, без гроша в кармане. И посреди незнакомого леса. Снег усиливался, превращаясь в настоящую метель. Пальцы уже почти не чувствовали холода, переходя в стадию жгучего онемения.

Потрогав затылок, он обнаружил шишку, но крови не было — уже хорошо. Вытерев ладони, испачканные в грязи и чужой крови, о лохмотья рубахи, беспомощно огляделся.

Куда идти? Где дорога? Сознание отказывалось работать, но инстинкт выживания уже проснулся в нём. Нельзя просто стоять и ждать смерти от холода. Собрав волю в кулак, Тар Вальдес сделал первый нетвёрдый шаг наугад. Авось, повезёт.